Стокер и Холмс. Механический скарабей

Автор:
Коллин Глисон

Стокер и Холмс. Механический скарабей

Коллин Глисон

#YoungDetectiveСтокер и Холмс #1

Викторианский Лондон, наполненный шипением паровых двигателей. Небо, затянутое смогом, в котором парят дирижабли, и улицы, наводненные безлошадными кэбами. Лондон, в котором исчезают и погибают девушки из высшего общества, а единственная зацепка – механический скарабей. Такую загадку могут разрешить лишь Мина Холмс, племянница знаменитого сыщика, активно практикующая дедуктивный метод дяди, и Эвалайн Стокер, охотница на вампиров, сестра начинающего писателя Брэма Стокера. Кто стоит за этими преступлениями? Под руководством Айрин Адлер девушкам предстоит поступить на тайную службу Короне и угодить в самое опасное приключение в своей жизни.

Коллин Глисон

Стокер и Холмс. Механический скарабей

Colleen Gleason

THE CLOCKWORK SCARAB

Печатается с разрешения литературных агентств Don Congdon и Andrew Nurnberg

Copyright © 2013 by Colleen Gleason

© О. Захватова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

***

В серии Коллин Гилсон знакомая нам вселенная Холмса и Ватсона открывается с новой, сверхъестественной стороны.

The New York Times

Атмосфера туманного Лондона, холодящий сердце сюжет и, самое главное, две очаровательные и находчивые героини – все это превращает «Механического скарабея» в чистое удовольствие с первой и до последней строчки.

Рэйчел Хокинс

В этой книге есть все… яркий сеттинг и обаятельные героини покоряют сердца читателей, интересующихся стим-панком и сильными, умными женскими персонажами.

School Library Journal

Динамичное повествование с множеством забавных и романтических моментов.

Publishers Weekly

***

Посвящается Мэри Кей Фоули,

Мадлен Гостомски и Хелен Коллинз —

трем женщинам,

оказавшим огромное влияние на мою жизнь.

Мисс Холмс

Полуночное приглашение

Лондон, 1889 год

Существует не так много причин, по которым молодая и умная женщина семнадцати лет в полночь идет сквозь пелену тумана по улицам Лондона. Защита своей жизни или предотвращение смерти другого человека – два очевидных объяснения.

Но, насколько я знаю, моя жизнь не была в опасности и я не собиралась предупреждать смерть кого-то другого.

Будучи Холмс, я располагала собственными теориями и подозрениями относительно того, кто мог вызвать меня и почему.

Рукописное послание говорило о том, что его автором была не просто женщина, а человек, обладающий высоким интеллектом, превосходным вкусом и значительным состоянием. Сообщение было лаконичным:

В неотложном деле требуется Ваша помощь. Если Вы желаете последовать по стопам своей семьи, пожалуйста, явитесь сегодня в полночь в Британский музей. Там вы найдете дальнейшие инструкции.

Глядя на письмо, я видела гораздо больше, чем просто несколько загадочных слов.

Отсутствие имени и адреса, никакой печати или водяного знака – анонимный отправитель доставил сообщение собственноручно. Плотная бумага цвета cr?me[1 - Cr?me – крем, кремовый (фр.).], аккуратный женский почерк без завитушек и украшательства, без чернильных пятен и ошибок – сообщение написала умная, прагматичная и весьма состоятельная женщина.

Едва уловимый аромат духов – дорогих, подобранных с безупречным вкусом в парфюмерном бутике несравненной миссис Софрит на Аппер-Бонд-стрит[2 - Бонд-стрит – с XVIII века улица элитных бутиков и магазинов в лондонском районе Мэйфэр.].

Следы рисовой пудры и серебристых блесток – отправитель имеет отношение к театру, вероятно, к Le The?tre du Monde в Париже.

Пока я шла по среднему уровню Нью-Оксфорд-стрит, прозвенел колокол Биг-Бена. Сквозь всепоглощающий туман прорезалось мягкое желтое свечение фонаря. Я услышала странный тихий звук, за которым последовал низкий глухой лязг. Мне пришлось замедлить шаг и прислушаться, а пока я вглядывалась в тусклый свет, моя рука нащупала на талии оружие.

Я позаимствовала у дяди Шерлока паровой пистолет, который повесила на свой совершенно не женский пояс, надетый поверх свободных габардиновых брюк. Одно нажатие на курок пистолета высвобождало поток горячего воздуха – концентрацию обжигающего пара. Как уверял мой дядя, этого достаточно, чтобы проникнуть сквозь кожу и вывести из строя взрослого человека. Вся прелесть данного парового приспособления в том, что его никогда не нужно перезаряжать.

Я была не только вооружена, но и должным образом одета. Турнюры, кринолины и узкие рукава чересчур громоздки и непрактичны для идущего по мрачным

улицам пешехода. Из-за всех слоев моего обычного одеяния и его непрекращающегося шуршания (не говоря уже о длине этих проклятых юбок) я стала бы ходячей мишенью для любого негодяя, начиная от развратников, рыщущих в поисках новой девки, и заканчивая скрывающимися в темноте разбойниками, – словом, для любой существующей угрозы, подстерегающей высокую, неуклюжую, но все же умную молодую девушку, «награжденную» клювообразным носом Холмсов.

Я была уверена, что готова к любым опасностям.

Подо мной проехал один из самоходных четырехколесных ночных прожекторов. Я посмотрела вниз с возвышающейся пешеходной дорожки и увидела приветливый свет фонаря, пробивающийся сквозь мрак ночи. Холодный воздух перемешивался со знакомым запахом сырости, сухого эфира, горящего угля и сточных вод. Снизу до меня доносились привычные звуки ночи: цоканье копыт, треск разнообразных колесных транспортных средств, крики, смех и постоянное шипение пара, которое прорывалось сквозь остальной шум улицы.

Пар был источником жизни Лондона.

Я заплатила два пенса, чтобы подняться на лифте до среднего уровня квартала, где якобы было безопаснее ходить в одиночку. Но я не уверена, что в полночь в Лондоне хоть какой-то из уровней можно назвать безопасным.

Целый день шел дождь, и небо затянули темные облака. Пребывая в вынужденном заточении, я от корки до корки прочитала три книги (включая причудливый американский роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»[3 - «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (англ. A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court) – роман Марка Твена, впервые опубликованный в 1889 году.]), поработала в лаборатории над двумя разными проектами и умудрилась так досадить миссис Рэскилл, что она отказалась приготовить мне ужин перед тем, как отправиться отдыхать. У меня не было намерения специально переворачивать отполированную серебряную колбу, но мои локти и руки часто выходят из-под контроля.

Она посчитала, что я недостаточно хорошо убрала (признаюсь, что проводить свой собственный опыт было куда интереснее, чем стоять на коленях и драить лабораторию). Именно поэтому, вместо того чтобы приготовить ужин, миссис

Рэскилл вытерла пол шваброй с отжимом из комплекта для уборки, созданного мистером Тафференсом, а затем опорожнила ведро с грязной водой. Все это время она продолжала причитать: «Почему мистер Тафференс не мог придумать способ, чтобы устройство еще и воду выливало?» Дабы подчеркнуть свое плохое настроение, миссис Рэскилл выключила механизированные рычаги плиты и с недовольным видом бросила на столешницу тарелку с холодным мясом и сыром.

Очень жаль, потому что нехватку компетенции в качестве компаньонки миссис Рэскилл с лихвой восполняла на кухне. Однако я считала, что и то и другое было ее несомненным преимуществом. Мастерство в кулинарном искусстве стало причиной того, что в последнее время слои кринолинов поверх «орудия пыток» – моего корсета – стало еще сложнее застегивать на талии. До того как матушка покинула нас, меню планировала именно она, поэтому блюда не были столь изысканными и перегруженными подливками, соусами и маслом.

Я отогнала от себя чувство боли и пустоты. Матушка оставила дом больше года назад, и с тех пор я ничего о ней не слышала, за исключением нескольких коротких писем, полученных из Парижа. Мне приходилось пробираться в ее пустую спальню, чтобы напоминать себе, что она вообще существует.

Пока ночной прожектор с грохотом ехал мимо, я прошла по выгнутому мостику, чтобы пересечь находившийся в половине квартала от Рассел-стрит воздушный канал. Всего в нескольких шагах от него показались освещенные окна залов Британского музея. Это было одно из немногих зданий в Лондоне, у которого до сих пор остались сады. Музей окружали настоящая трава и даже деревья.

Здания над моей головой поднимались так высоко, что казалось, встречаясь наверху, они застилали все небо. Огромные темные «небесные якоря» в виде воздушных шаров парили над карнизами самых высоких из них. Якоря плыли, словно прикованные к крышам жуткие серые облака, поддерживая устойчивость верхних этажей.

На южной стороне, едва заметные при лунном свете, виднелись шпили Вестминстера[4 - Вестминстер – исторический район Лондона, часть административного округа Вестминстер.]. Хотя, возможно, дело было в том, что я интуитивно знала их месторасположение, так же как и колоколен собора Святого Павла, сверкающего лика Биг-Бена и с недавних пор башенок завода мистера Олигари. Дядя Шерлок гордился тем, что знал в Лондоне каждую улицу и каждый квартал, все аллеи и внутренние дворы. Я могла похвастаться тем же.

Наконец я подошла к величественным колоннам Британского музея и впервые после того, как вышла из дома, остановилась. Мои ладони вспотели под кружевными митенками. «Должна ли я смело подняться по ступенькам к переднему входу и представиться? Будут ли двери открыты? Или…»

– Тсс.

Я обернулась и увидела фигуру в плаще, явно женскую, которая подавала мне знаки из зарослей кустарника, посаженного вдоль западного крыла музея. После некоторых сомнений я двинулась в ее сторону, обхватив пальцами рукоятку парового пистолета.

Подойдя ближе, я заметила пятно желтого света у основания стены музея. Это была дверь.

– Я полагаю, вас тоже пригласили, – произнесла фигура.

Она рассматривала меня из-под громоздкого капюшона, держа в руках деревянный кол, который по сравнению с моим пистолетом являлся в высшей степени «несерьезным» оружием.

– Возможно, вы будете так любезны представить мне доказательства, – ответила я, вытащив из кармана пальто сложенную записку.

Собеседница сделала то же самое.

В тусклом свете я увидела, что ее письмо было идентично моему. И таким образом я смогла установить ее личность.

«Следовать по стопам вашей семьи» – родственники с дурной репутацией, деревянный кол – охотница на вампиров.

Я подозревала, что являлась одной из немногих, кому было известно о существовании этой легендарной семьи охотников на вампиров.

– Рада познакомиться, мисс Стокер. Похоже, вы, как и я, не имеете представления, зачем нас сюда пригласили. У вас есть какие-либо предположения относительно того, каким образом мы должны попасть внутрь и где найти хозяйку?

Она издала легкий удивленный смешок, явно пораженная скоростью моей дедукции.

– Вы меня узнали? Тогда у вас есть преимущество, мисс…

– Холмс.

– Мисс Холмс? – В ее голосе слышалось постепенное понимание. – Хорошо, что ж… Тогда, видимо, мы должны войти сюда, – сказала она, указывая на неприметную дверь. – Я пришла всего несколько минут назад, и уличный мальчишка вручил мне вот это. Я не успела его расспросить, потому что он сразу убежал.

Она показала мне вторую часть бумаги кремового цвета.

«Вас будет двое. Когда вы встретитесь, заходите в дверь с алмазным крестом».

– Что ж, отлично, – кивнула я.

Мисс Стокер нашла спрятанный рычаг и опустила его вниз. Дверь под сопровождение слабого шипения выходящего пара и постукивания хорошо смазанных механизмов тут же открылась.

Ступив через порог следом за моей новой знакомой, я ощутила, как участился мой пульс. Маленькие газовые канделябры освещали проход, проливая на меня и мисс Стокер мягкий желтый свет. А затем дверь позади нас закрылась.

Низкий треск, легкий стук. А затем – щелчок.

Мы оказались заперты внутри музея. Мое дыхание стало неглубоким и частым, меня атаковали многочисленные предположения: «Что, если мы попали в ловушку? Или нам грозит опасность? Вдруг это какая-то схема для

дискредитации семей Холмс и Стокер?»

А что, если мои самые сокровенные и отчаянные надежды оправдались?

Я держала паровой пистолет наготове и вдруг обратила внимание, что мисс Стокер сменила деревянный кол на тонко посверкивающее оружие, в котором я узнала традиционный пистолет.

– Пожалуйста, входите, – донесся женский голос от открывшейся в конце короткого коридора двери. – Я рада, что вы приняли мое приглашение. И вижу, что вы пришли подготовленными, – добавила она, указывая на оружие в наших руках.

Идя к двери, я подавила волну разочарования и раздражения на саму себя. Я на самом деле и не думала, что матушка могла вот так, тайно, вызвать меня, однако абсурдная мысль о такой возможности все же мелькала в моей голове.

Мисс Стокер последовала за мной в небольшой, забитый вещами кабинет. Я осмотрела мебель и прочее содержимое комнаты, обратив внимание на тяжелые стулья орехового дерева с парчовой обивкой, книги на латыни, французском, греческом и сирийском языках, бумаги с любопытными металлическими закладками. В кабинете стояли музейные витрины. Обнаружилось также большое количество разнообразных механических приспособлений, на полу потертый ковер, были видны очертания потайной двери или комнаты, скрывающейся за портретом сэра Энтони Паницци[5 - Сэр Антонио Дженезио Мария Паницци (итал. Antonio Genesio Maria Panizzi, 16 сентября 1797 – 8 апреля 1879), библиофил и член общества карбонариев, профессор итальянского языка и литературы в Лондонском университете. Руководил Библиотекой Британского музея с 1856 по 1866 год.]. Этого человека, изображенного на картине, считали отцом Британского музея. В комнате пахло стариной, розами и чаем дарджилинг[6 - Дарджилинг – элитный сорт черного индийского чая.].

В самом центре стоял стол, вокруг которого располагались четыре стула. На стенах висели книжные полки, а в углу томился роскошный «Книжный искатель» с перчатками на металлических пальцах. Он стоял, прислонившись к стене и указывая на отрывок в старинной книге.

Сбоку я увидела письменный стол, на котором лежало большое количество книг, писчих перьев из слоновой кости и карандашей; там же стояли лампа и механическая точилка, которая, казалось, вместо одного пера могла обрабатывать сразу несколько. Три узких окна от пола до потолка были на ночь закрыты, хотя из-за двух створок все же пробивались слабые лучи лунного света.

Осмотрев кабинет, я полностью сосредоточила свое внимание на его хозяйке. Она больше не скрывалась за дверью в пелене тусклого света, поэтому я смогла узнать в ней женщину с портрета, который стоял на каминной полке у дяди Шерлока. До сих пор я никогда не встречала эту особу, которую дядя называл «эта женщина».

Это была Айрин Адлер.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – сказала она, указывая на стулья изящной рукой и сопровождая свой жест теплой улыбкой. – Мисс Стокер, мисс Холмс. Какое счастье наконец-то встретиться с вами.

Я не знала всех подробностей, но эта женщина и король Богемии были замешаны в некоем скандале, из-за чего королю потребовалась помощь моего дяди. Дело разрешилось, но только после того, как мисс Адлер перехитрила дядю Шерлока, на протяжении всего дела на шаг опережая его, хотя он часто повторял, что перехитривших его людей было меньше, чем пальцев на одной руке. Трое из них были мужчины, а теперь, здесь и сейчас, передо мной стоял и четвертый человек – женщина. Вынужденно признавая ее превосходство и испытывая почтение и восхищение к своему противнику, в качестве компенсации дядя Шерлок попросил у короля Богемии портрет Айрин Адлер.

Мисс Адлер было около тридцати лет. Она сидела во главе стола и смотрела на меня, касаясь пальцами очков. От нее исходило ощущение опытности и ума, и хотя сейчас ее темные глаза искрились остроумием, я подозревала, что их также могли осветить внезапно пришедшая в голову мысль и неукротимая решимость.

– Это честь для меня, мисс Адлер, – произнесла я, стараясь не показывать благоговейного трепета перед женщиной, перехитрившей моего знаменитого дядю.

Она оказалась высокой и стройной, с бледным лицом и темными волосами. Ее сложно было назвать красивой, но я посчитала ее внешность достаточно яркой. Присутствие мисс Адлер меня завораживало. На ней был сатиновый корсаж шоколадного цвета с бронзовыми полосками, украшенный пуговицами из черного янтаря, идущими вниз дугой от ее внушительной груди. Легкий блеск подчеркивал едва заметные скулы, которые становились видны, только если специально пытаться их рассмотреть. В затхлом, сыром воздухе старинной комнаты я почувствовала легкий аромат парфюма, которым пахло и ее письмо.

– Возможно, вы удивлены тем, что я не обратилась к вам открыто, – начала мисс Адлер, глядя то на меня, то на мою спутницу.

В ее голосе слышался слабый намек на американское происхождение.

– На самом деле нет, – ответила я, заняв ближайший к ней стул.

К этому моменту мне уже была понятна причина всей этой секретности.

– Если учесть вашу предыдущую встречу с моим дядей, не могло быть и речи о том, что вы попытаетесь связаться со мной открыто, – продолжила я.

– Ну конечно же, – согласилась мисс Адлер, и улыбка тронула уголки ее губ.

– Очевидно, вы знакомы, – многозначительно заметила мисс Стокер.

Она продолжала стоять, только теперь опустила капюшон своего плаща.

Волосы ее оказались густыми и черными. Я знала, что одной из ветвей рода Стокеров являлась семья Гарделла родом из Италии. Это объясняло и светлооливковый цвет кожи девушки. У нее были темные глаза и лицо поразительной красоты. Такие девушки нравятся мужчинам. Они танцуют на вечеринках, ходят по магазинам, смеются с друзьями и всегда знают, что сказать при встрече интересному молодому человеку.

У таких девушек есть друзья.

Я отогнала грустные мысли и сосредоточилась на изучении своей спутницы.

Мисс Стокер была миниатюрной, тогда как мой рост превышал допустимые для женщины нормы. К тому же она могла похвастаться весьма женственной фигурой – в отличие от моей, неуклюжей и угловатой. Теперь, когда она откинула назад полы своего залихватского плаща, обнажив простую юбку и корсаж без турнюров или кринолинов, я смогла рассмотреть снаряжение, прикрепленное к ее поясу. В основном это были деревянные колья, с которыми соседствовали кинжал в ножнах и тонкое деревянное приспособление, которое мне не удалось опознать. Довольно-таки примитивное оружие.

– Прошу простить меня, мисс Стокер, – промолвила наша хозяйка. – Надеюсь, вы примете мои извинения за то, каким образом я связалась с вами и мисс Холмс. Если вы устроитесь поудобнее и позволите мне все объяснить, ваши опасения будут развеяны. Если же нет, то уверяю вас, вы сможете покинуть это место в любой момент.

Она опустилась в кресло во главе стола.

– Во-первых, я хотела бы представиться. Меня зовут Айрин Адлер. – Она произнесла свое имя на американский манер. – Я нахожусь в Лондоне и работаю в Британском музее по указанию не кого иного, как ее королевского высочества.

Мисс Адлер достала маленький металлический предмет из кармана своих объемных юбок и показала его мисс Стокер. Даже со своего места по другую сторону стола я сразу узнала королевский медальон. Таким знаком одаривали того, кто получал благосклонность члена королевской семьи. Мой отец обладал несколькими сферообразными медальонами размером с персиковую косточку, на каждом из которых была выгравирована печать человека, подарившего его. Если на него определенным образом нажать и опустить потайной рычажок, необычное устройство раскрывается и являет имя владельца, а также печать и подпись члена королевской семьи.

В этом случае было ясно, кто подарил медальон, поскольку ее королевским высочеством можно было назвать только принцессу Уэльскую, которая была женой принца Эдварда и, соответственно, невесткой ее величества королевы. За помощью к мисс Адлер обратилась принцесса Александра.

Мисс Адлер серьезно посмотрела на нас обеих:

– Мисс Холмс. Мисс Стокер. Многие молодые люди вашего возраста призваны служить своей стране. Они рискуют жизнью и здоровьем ради своей королевы, своих соотечественников и империи. Сегодня вечером я спрашиваю от имени ее королевского высочества принцессы Уэльской: сделаете ли вы то, чего нельзя поручить другим молодым девушкам, и сможете ли рискнуть своей жизнью и честью во имя своей страны?

Мисс Холмс

Наши героини принимают интригующее приглашение

– Да, – ответила я.

Конечно, нужно было обдумать данное предложение более тщательно – возможные риск и опасности, обязательства. Но я ответила импульсивно, подстегиваемая собственной одержимостью Айрин Адлер и желанием заняться чем-то еще, кроме блуждания по опустевшему дому, сидения в пустой спальне моей матери, чтения книги за книгой и проведения эксперимента за экспериментом в лаборатории. Я хотела применить свои знания и дедуктивные способности в чем-то настоящем.

– Да, согласна, – снова повторила я.

Мисс Адлер предлагала отличный способ продемонстрировать свои способности, ведь, несмотря на пол, моя принадлежность к семейству Холмс не ограничивалась только фамилией и размером моего носа.

В тот же момент, когда прозвучал мой ответ, мисс Стокер сказала:

– Безусловно, я смогу быть полезна. Стокеры уже давно служат королеве.

Искра облегчения и решимости вспыхнула в темных глазах мисс Адлер.

– Спасибо. Ее королевское высочество будет более чем благодарна. Но я должна предупредить, что служение принцессе и, следовательно, его королевскому

высочеству принцу Эдварду должно с самого начала оставаться в тайне, – уточнила мисс Адлер и посмотрела на нас. – Вы согласны держать наше соглашение в секрете до конца своих дней?

Я кивнула и проследила за реакцией своей спутницы. Мисс Стокер тоже кивнула в знак согласия. Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза, так как она совершенно не походила на девушку, умеющую хранить тайны.

– Очень хорошо. Вам, вероятно, интересно узнать, как я оказалась в Британском музее в качестве хранительницы древностей, – предположила мисс Адлер, и ее глаза, встретившись с моими, сверкнули весельем. – Думаю, вам известно, что во всей Европе меня прекрасно знают как певицу. Но чего вы точно не можете знать, так это того, что я использовала гастроли, чтобы скрыть от американского и британского правительств свою вторую работу. В свете некоторых последних событий, включая мой недолгий брак с мистером Годфри Нортоном, я приняла решение покинуть сцену. С тех самых пор меня нанял директор этого великого музея, – мисс Адлер указала на стены, которые нас окружали, – чтобы каталогизировать и изучать предметы старины, приобретенные в большом количестве в пятидесятые и шестидесятые годы в Египте. Однако на самом деле я нахожусь здесь по просьбе принцессы и служу ей всеми возможными способами. Вы обе прекрасно подходите для решения одной из проблем, которые в настоящее время беспокоят ее королевское высочество. Но, прежде чем я введу вас в курс дела, мне кажется, я должна поближе познакомить вас друг с другом, потому что вам придется работать рука об руку.

Я услышала, как мисс Стокер тихонько фыркнула, но подавила желание оглянуться. Тогда мисс Адлер кивнула в сторону моей новой компаньонки:

– Мисс Эвалайн Стокер, внучка знаменитого Янси Гарделлы Стокера, правнучатая племянница Виктории Гарделлы. Они оба охотники на вампиров с отличной репутацией.

Я была знакома с семьей мисс Стокер, чье наследие охотников за вампирами из Италии было описано в старинной и очень редкой книге под названием «Охотники». В книге мистера Старкассета подробно рассказывалось о предках мисс Стокер, о том, какая на них была возложена ответственность, а также каким образом они приобрели свои навыки, чтобы обезопасить мир от кровожадных демонов. Случилось так, что ее старший брат Брэм был знаком со

старшим братом моего дяди, и я так поняла, что мистер Стокер писал роман о графе-вампире по имени Дракула.

– Почти все вампиры уже истреблены, – заметила мисс Стокер. – Моя двоюродная прабабушка Виктория и ее муж в двадцатые годы убили большинство из них. Это было более шестидесяти пяти лет тому назад. Из-за этого я и другие избранные члены моей семьи в последние годы остались почти без дела.

– Пока вы служите принцессе, у вас будет много работы, даже если это и не связано с убийством вампиров, – возразила наша хозяйка. – Вы уже познакомились с мисс Альверминой Холмс. Она племянница знаменитого Шерлока и дочь несравненного сэра Майкрофта Холмса.

– Конечно, я знакома с вашим дядей, – кивнула мисс Стокер. – Однако я ничего не знаю о вашем отце.

– Дядя Шерлок утверждает, что его брат Майкрофт более блестящий сыщик, чем он сам, и мог бы стать его величайшим конкурентом, если бы хоть немного пошевелился и начал действовать. Но отец не любит выходить в свет и участвовать в общественных мероприятиях. Его никогда нигде не увидишь, кроме как в офисе или в своем клубе. Иногда он даже забывает вернуться домой и лечь спать.

Это послужило одной из причин, почему моя мать нас оставила. А на остальные обстоятельства никто (включая даже такого практичного человека, как я) не обращал внимания.

– Мина так же великолепна в наблюдении и дедукции, как и ее дядя и отец, – заметила мисс Адлер.

Мне было очень приятно, что она использовала краткую форму, потому что по традиции семьи Холмс меня назвали совершенно глупым именем. Даже матушка не смогла убедить отца назвать меня скромно: Джейн или Черити, например. Вместо этого мне приходится носить имя Альвермина.

Мисс Адлер продолжила:

– Я уверена, вы понимаете, почему мы с принцессой избрали именно вас в это тайное общество. Будем называть его так, если вы не возражаете. Но позвольте мне кое-что прояснить: ваше приглашение связано не только с тем, из каких вы семей и с их служением короне. Вы здесь благодаря тому, кто вы есть, и благодаря талантам и навыкам, которыми обладаете.

– Конечно, – ответила я. – Так как мы являемся молодыми представительницами «слабого пола», нас никто не принимает в расчет, считая взбалмошными и глупыми. Неважно, что мужчины нашего возраста идут на войну и сражаются за страну. Женщины даже права голоса не имеют. Наличие у нас мозга едва признается, не говоря уже о мускулах.

Я взглянула на мисс Стокер. Если верить их семейной книге, охотники за вампирами из ее семьи были наделены превосходной физической силой и неестественной скоростью. Интересно, это правда? Она точно не выглядела опасной.

– Поэтому нас обеих посчитали бы неспособными совершить что-либо важное или представлять хоть какую-то угрозу. Я тем не менее являюсь отличным кандидатом для выполнения секретных заданий, как человек достаточно независимый, – сказала я, смущаясь, а затем продолжила: – В какой-то степени я даже могу назвать себя затворницей.

Я увидела настороженное выражение лица мисс Стокер и усмешку в глазах мисс Адлер, поэтому решила закончить свою мысль:

– Другими словами, мы обе относительно одинокие девушки, и у нас не так много обязательств перед семьей или друзьями, которые могли бы начать задавать вопросы и стать потенциальными разоблачителями наших секретов. Мы, можно так сказать, экстравагантные тихони.

– Возможно, в отношении вас, мисс Холмс, это и верно, – возразила мисс Стокер, – что у вас мало обязательств перед обществом, но ко мне это точно не относится. У меня целый поднос приглашений в передней в Грентворт-хаус.

Я почувствовала, как мне сдавило грудь, потому что я только что перечислила все свои недостатки и указала на постыдное отсутствие приглашений на общественные мероприятия, а мисс Стокер сделала прямо противоположное.

Трудно было заставить меня почувствовать себя неполноценной, но ее колкий комментарий задел мои чувства сильнее, чем я готова была признать. Все могло быть иначе, если бы матушка была со мной и научила меня всем светским тонкостям, но, к сожалению, ее рядом не было.

Несмотря на свое смущение, я продолжила:

– Если оставить в стороне количество приглашений, мисс Стокер, я подозреваю, что вы предпочли бы заниматься чем-то другим, а не посещать приемы и балы. Даже если у вас и есть какие-либо обязательства перед обществом, мне кажется, вы предпочли бы их не иметь.

Мисс Стокер довольно быстро умолкла, отчего я поняла, что она со мной согласна. По ее поведению и тону стало очевидно, что основной задачей для нее было доказать, что она достойная наследница своего семейства.

Вероятно, у нас было больше общего, чем я думала.

– Вы совершенно правы, Мина, – согласилась мисс Адлер. – Давайте продолжим? Кто-нибудь из вас знаком с мисс Лилли Кортвилль?

Это имя показалось мне знакомым, но тем не менее не вызвало в голове образа конкретного человека. Во многом светское общество Лондона представляло для меня неизвестную территорию. Мысль о том, чтобы красиво одеться для приема и встать в очередь у стены, ожидая, что тебя пригласит на танец молодой человек, меня пугала. Я знала, что всю ночь простою, наблюдая, как все вокруг меня кружатся в танце. И даже если меня пригласят, я либо наступлю бедняге на ногу, либо споткнусь и упаду лицом вниз. Именно поэтому я предпочитала не тратить времени на такую бессмыслицу, как балы, театры и походы по магазинам.

– Я знакома с мисс Кортвилль, – кивнула мисс Стокер. – Она дочь виконта Фонтли и помолвлена с сэром Родни Гриблзом.

– Действительно, это так, – ответила мисс Адлер. – Она без вести пропала три недели назад. Ее нет с двадцать пятого апреля.

– Неужели она сбежала с возлюбленным? Или, может, одна? А что, если ее похитили?

Глаза мисс Стокер сверкнули тем же интересом, что разгорался и внутри меня, однако мое возбуждение сдерживалось беспокойством. При этом я не была уверена, что это же можно сказать и о мисс Стокер.

– Мы должны заняться ее поисками!

– Конечно же, и поиски в самом разгаре, – подтвердила мисс Адлер и улыбнулась, увидев, как мисс Стокер опустилась на стул с разочарованным видом. – Факты таковы: мисс Кортвилль не оставила никакой записки или иного сообщения. Похоже, она скрылась посреди ночи. Никаких признаков борьбы обнаружено не было.

– Может быть, она не хотела выходить замуж за сэра Родни и сбежала с кем-то другим? Он ведь совсем не привлекателен и более чем в два раза старше нее, – предположила мисс Стокер.

– Все возможно. Тем не менее, по словам служанки, мисс Кортвилль не взяла с собой личных вещей, как она сделала бы в том случае, если бы собиралась надолго уехать или сбежать с любовником.

– Если только она не планировала кратковременной поездки, – вмешалась я.

– Вы правы. Однако было еще кое-что. Между ее туалетным столиком и стеной мы обнаружили вот эту вещь. – Наша хозяйка положила на стол некий предмет, чтобы мы обе могли на него взглянуть.

– Египетский скарабей, – предположила я.

В Британском музее хранилось множество медальонов в форме жуков. Мисс Адлер передала его мне, чтобы я смогла внимательнее его рассмотреть.

– Нет… это что-то современное, что делает его египетским скарабеем. Это не тот амулет, которому тысяча лет.

Амулет в форме большого жука был сделан из мягкого металла, в отличие от оригинальных египетских артефактов, которые обычно создавались из камня. Он был в два раза больше и немного тяжелее монеты и удобно уместился в центре моей ладони.

– Скарабеи служили талисманами, – размышляла я, крутя его в пальцах и отмечая про себя холод металла, гладкие края и сложную гравировку. – Их клали в египетские гробницы или использовали в качестве украшений. А еще их дарили в знак любви, – продолжала я.

– Такие амулеты также использовали в качестве средства идентификации, – дополнила мисс Адлер. – Идентификации внутри сообщества.

Нижняя часть амулета была плоской, а верх – округлым. Он изображал насекомое с двумя крыльями, плотно сложенными над куполообразным телом. Металл, из которого он был сделан, покрывала патина, ребристый орнамент заполняла черная и зеленая краска. Я нажала на крылья, голову и даже края, чтобы посмотреть, не откроется ли он подобно королевскому медальону. Когда я сжала крошечные челюсти на его голове, что-то щелкнуло и зажужжало, пробуждая в скарабее механическую жизнь. С восхищением я наблюдала, как раскрылись блестящие крылья, обнажая работу крошечных шестеренок и колесиков, напоминающих внутренности часов. Я перевернула скарабея. Обратную сторону покрывала резьба, в которой я различила изображение полузверя-получеловека.

– Картуш?[7 - Картуш – в архитектуре и декоративном искусстве – мотив в виде полуразвернутого, часто с надорванными либо надрезанными краями рулона бумаги, свитка, на котором может помещаться герб, эмблема или надпись.] С изображением фараона с головой льва? Нет… это не фараон. Это бог. – Нахмурившись, я взглянула на мисс Адлер. – Точнее сказать, богиня. Это Сехмет[8 - Сехмет – богиня-покровительница Мемфиса, супруга Птаха; богиня войны и палящего солнца, «Грозное око бога Солнца Ра», целительница, обладавшая магической силой напускать болезни и излечивать от них, покровительница лекарей, считавшихся ее жрецами.].

Та кивнула.

– Не возражаете?.. – Голос мисс Стокер прозвучал требовательно.

Я передала ей амулет и воспользовалась возможностью просветить ее, пока девушка осматривала скарабея.

– Сехмет – это египетская богиня войны и разрушения. У нее львиная голова, потому что она великий воин и свирепый боец. Сехмет также была известна как владычица пламени и повелительница резни.

– Легенда гласит, что ее дыхание было таким жарким и мощным, что создало пустыню, – добавила мисс Адлер. – Она также является богиней бессмертия и загробного мира.

– Вы полагаете, что это каким-то образом связано с исчезновением мисс Кортвилль? – спросила мисс Стокер, поглаживая пальцем округлую спинку жука.

– Мы бы этого не предположили, если бы не другой схожий предмет, обнаруженный в вещах мисс Эллисон Мартиндэйл.

Лицо моей новой напарницы посерьезнело:

– Мисс Мартиндэйл? Разве она не повесилась?

– Да. Это было самым трагичным и пугающим открытием. Ее нашли висящей на дереве в Гайд-парке. Семья пыталась замять дело, но слухи все еще ходят.

– Вы хотите сказать, что у мисс Мартиндэйл тоже был скарабей? – поинтересовалась я.

– Его нашли среди ее личных вещей. Это может быть простым совпадением, во что я не очень верю. Две молодые девушки одного возраста в течение месяца – одна покончила жизнь самоубийством, а другая исчезла.

– Здесь должна быть связь. Дядя Шерлок не верит в совпадения.

– Почему принцесса Александра проявляет такой интерес к этому делу? – спросила мисс Стокер, и между ее бровей появилась морщина.

– Потому что, – мисс Адлер замялась, взглянув на скарабея, которого ей только что вернули, – она очень хорошо относится к леди Фонтли. Это одна из ее фрейлин, и она хочет помочь в поисках ее дочери.

– Есть еще какие-либо зацепки? – поинтересовалась я.

– Если два этих события связаны, единственная зацепка – это скарабеи. Девушки были знакомы, но не особо дружны. Ни одна из них не проявляла глубокого интереса к египтологии, но обе хотя бы раз бывали в музее.

В этот самый момент я услышала за дверью звук. Он исходил изнутри огромного музея, в котором в это время должно было быть пусто. Это был грохот закрывающейся тяжелой двери.

Мисс Адлер резко встала, и мы с мисс Стокер тоже вскочили на ноги.

– Скорее, – скомандовала наша хозяйка, направляясь к двери, но не к той, через которую мы заходили.

Мягкое шипение пара, тихий скрип – и перед нами открылся проход в маленькой квадратной нише. Хозяйка торопила нас, и мы не мешкая пошли по тихому темному коридору, пропахшему лимонной мастикой. Полы из красного дерева сияли в лунном свете, который просачивался сквозь стеклянные шкафы, панельные стены и механизированные витрины, медленно вращающиеся даже ночью.

Пробираясь через забитую полками, столами и ящиками с антиквариатом заднюю комнату, я напрягала слух, стараясь уловить какие-нибудь звуки, говорящие о присутствии нашего незваного гостя.

– Сюда, – указала мисс Адлер.

Мы последовали за ней через небольшую галерею, приблизились к длинному узкому египетскому залу, где был выставлен знаменитый Розеттский камень[9 - Розеттский камень – плита из гранодиорита, найденная в 1799 году в Египте, возле небольшого города Розетта (теперь Рашид), недалеко от Александрии, с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, в том числе двумя –

на древнеегипетском языке, начертанными древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом, которое представляет собой сокращенную скоропись эпохи позднего Египта, и одним – на древнегреческом языке.], и остановились под богато украшенной аркой. От того, что я увидела впереди, у меня перехватило дыхание.

Молодой человек, залитый лунным светом, стоял на коленях в центре зала. В его руке сверкал большой нож. Он смотрел на лежащую на полу темную массу, в которой даже неподготовленный наблюдатель смог бы сразу распознать тело мертвой женщины.

Мисс Холмс

О чистых ботинках и убийстве

– Не двигайтесь, – первой заговорила мисс Адлер, взяв инициативу в свои руки.

Я уверена, что ее храбрости в немалой степени способствовал посверкивающий в руке пистолет.

– Отойдите назад, – велела она, – положите нож на пол и поднимите руки.

Мисс Адлер встала таким образом, чтобы у мужчины не было возможности проскользнуть за виднеющийся слева саркофаг или статую Рамсеса II[10 - Рамсес II – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1279–1213 гг. до н. э.].

– Я не делал этого. Я пытался помочь, – возразил пойманный в темноте. – Мне кажется, что она мертва.

Он говорил с акцентом, который я не смогла идентифицировать.

– Эвалайн, – обратилась мисс Адлер к моей напарнице, не спуская глаз с мужчины, – на стене рядом с кулаком Птаха[11 - Птах, или Пта, – одно из имен бога-творца в древнеегипетской религиозной традиции, муж Сехмет.] найдите

рычаг. Нам нужен свет.

Она отстранилась от лежащего на земле тела, направляя пистолет на злоумышленника и принуждая его отойти от центра зала.

Спустя несколько секунд помещение озарилось светом. Семитонная статуя Рамсеса II, огромные фрески и иероглифы больше не отбрасывали длинных темных теней, мешавших моим наблюдениям. Газовые лампы осветили злоумышленника, который оказался мужчиной чуть старше меня, в одежде странного фасона, какого раньше мне видеть не случалось.

– Она мертва? – Мисс Адлер взглянула на мисс Стокер, которая воздержалась от того, чтобы приблизиться к телу.

Вопрос явно был задан с целью подтолкнуть мою напарницу к действию.

– Э-э-э… – начала мисс Стокер и неохотно, как-то механически, двинулась вперед.

Вид у нее был крайне болезненный.

Я никогда не отличалась терпением, поэтому подошла к неподвижному телу на полу и присела рядом с грудой смятых юбок. Прежде мне не приходилось сталкиваться ни со свежим трупом, ни с местом преступления, совершенного совсем недавно. Конечно, я видела мертвецов и даже изучала их под руководством моего дяди, но все было не так, как сейчас. Не так… свежо. Я заставила себя взглянуть на девушку и проверить пульс у нее на шее. Но, еще не сделав этого, я уже знала, что она мертва. Холодная кожа и отсутствие сердцебиения лишь послужили подтверждением моей догадки.

– Для нее все кончено, – резюмировала я.

– Я позвоню властям. Их нужно поставить в известность. Эвалайн, не будете ли вы так любезны? – попросила мисс Адлер, приглашая мою компаньонку занять ее место и взять пистолет.

Я снова перевела взгляд на жертву. Бедняжке, должно быть, не больше семнадцати-восемнадцати лет. Моя ровесница. Лишь немногим ранее мы говорили об исчезновении и смерти других юных девушек. Могла ли мисс Адлер предположить, что нечто подобное случится здесь сегодня ночью? Должны ли мы были, по ее разумению, предотвратить это? Глубоко вздохнув, я почувствовала резкий железистый запах крови и других выделений организма и сразу отмела все сомнения. Всего несколько минут назад я присягнула на верность короне. Однако момент истины наступил раньше, чем мы предполагали.

Кто эта девушка? Как сюда попала? Зачем кому-то понадобилось ее убивать и каким образом это произошло? Я заставила себя изучить тело: хладнокровно, объективно.

Она лежит на боку, с открытыми глазами, свернувшись калачиком: девушка упала или была сбита с ног.

Прическа не растрепалась: она не пыталась обороняться.

Мало крови на полу: ее убили не здесь.

Это означало… Я взглянула на мужчину, который даже под присмотром мисс Стокер все же смог приблизиться к саркофагу, стоящему сбоку галереи.

На его странной одежде нет пятен крови: он не двигал тело, следовательно, не был убийцей.

Радуясь, что появился предлог отойти от девушки, я приблизилась к молодому человеку:

– Вы касались тела или меняли его положение?

– Нет, я ее не трогал.

Его акцент был похож на американский, но такого произношения я еще никогда не слышала.

– Когда вы появились, я проверял, жива ли она. Я дотронулся до нее, только чтобы проверить пульс.

Его голос звучал напряженно, взгляд метался от меня к мисс Стокер и обратно.

Думаю, даже самый непредвзятый наблюдатель признал бы, что этот молодой мужчина был весьма красив. Кожу его покрывал золотистый загар, а глаза были поразительно голубыми. Квадратная челюсть, твердый подбородок. На вид ему не было и двадцати, и, пока он стоял с поднятыми руками, я любовалась его растрепанными, очень длинными темно-русыми волосами, закрывавшими уши и шею. На нем была красная сорочка без пуговиц, ткань которой липла к его груди как мокрая, хотя это было не так. Странно, но спереди на сорочке были нарисованы или вышиты буквы. Я увидела те, что сложились во французское слово AEROPOSTA, и это подтверждало мое предположение, что молодой человек – иностранец. Если там и были еще какие-то буквы, то их скрывали полы расстегнутой клетчатой рубашки, надетой поверх сорочки. Я никогда не видела, чтобы мужчина носил рубашку вот так, нараспашку. Просто скандал! Сверху расстегнутой рубашки на нарушителе была куртка из черной кожи, которая оказалась намного короче любой мужской верхней одежды, что мне доводилось видеть прежде: ее край заканчивался у талии незнакомца, а не чуть выше колен – и из-под нее виднелся подол клетчатой рубашки.

Брюки на нем также были крайне чудны?е: обтрепанные по краям и слегка потертые на коленях, из синей хлопчатобумажной ткани, как штаны Ливая Страусса, что носили американские рабочие.

А его ботинки! Мне захотелось опуститься на корточки, чтобы изучить их, потому что я никак не могла понять, из какого они материала. Ботинки были зашнурованы спереди подобно женской обуви, но без этих крошечных пуговичек, на застегивание которых уходит целая вечность (мой механизированный «шнуровщик» сломался три недели назад). Серые от старости, но все же с сохранившимся по бокам странным рисунком, они выглядели так, будто были сделаны из резины.

Его обувь была поношенной, но на ней не оказалось следов крови или грязи. Это показалось мне любопытным, так как сегодня весь день шел дождь – впрочем, как и всегда в Лондоне. Было попросту невозможно не испачкаться в грязи даже на верхних уровнях улицы.

Значит, сегодня он снаружи не был.

Любопытно.

Неужели он скрывался в музее еще до того, как на рассвете начался дождь? Я прищурилась, погрузившись в размышления, и обменялась взглядами с мисс Стокер. Я не ожидала, что она уловит ход моих мыслей – нужно иметь опыт в тщательных наблюдениях, всегда говорил мой дядя, – но тем не менее в ее взгляде читался резонный вопрос.

– Вы утверждаете, что не трогали ее и пытались помочь. Но что тогда вы делаете в музее посреди ночи? – спросила я.

– Я… э-э-э… из обслуживающего персонала, – ответил незнакомец. – Мы собирались натереть полы воском.

Бесспорно, улыбка молодого человека была натянутой, но я не могла не оценить его попытку объяснить ситуацию, независимо от того, насколько неправдоподобно звучало его объяснение.

– Это абсурд, – возразила мисс Стокер. Пистолет качнулся в ее руке.

– Что? Натирание полов воском? Ну, это нужно делать. – Должно быть, он заметил серьезное выражение моего лица, потому что сразу сменил тон. – Послушайте, я клянусь, что не трогал ее. Я просто нашел ее здесь. Знаю, что не должен был находиться в музее ночью, но это произошло не совсем по моей вине. Возникли обстоятельства, которые я не мог контролировать. Действительно чертовски странные обстоятельства.

– Вы сможете рассказать про все эти странные обстоятельства представителям власти, когда они сюда прибудут, – сказала я. – Однако вам не стоит беспокоиться, что вас арестуют за убийство. Я смогу подтвердить, что вы невиновны, по крайней мере, в этом преступлении.

– Ну, слава богу, вы это поняли, – ответил он, но в его голосе не было ни капли искренности.

Негромко фыркнув, я снова повернулась к жертве, оставив мисс Стокер разбираться со злоумышленником. Крайне важно успеть закончить осмотр тела до того, как прибудут полисмены и все здесь перевернут.

Лицо, челюсть и пальцы девушки начали твердеть: трупное окоченение в начальной стадии. Она умерла не менее трех часов назад. Возможно, даже четыре или пять.

Собравшись с духом, я решила провести более тщательный осмотр и перевернула девушку на спину. Мне не удалось сдержать дрожь. Ее глаза слепо уставились на высокий потолок галереи. Затаив дыхание я закрыла их двумя пальцами в надежде, что, обретя вечный покой, она прежде не познала боли.

Кровь окрасила левый рукав и перед ее блузки, при этом правый рукав испачкался совсем незначительно. На руках остались похожие на ожоги следы, как будто их оборачивали тонким шнуром или проволокой. Ужасная рана на левом запястье. Я понюхала ее волосы. Опиум. Запах слабый, но его ни с чем не спутаешь.

Очень мало крови на левом рукаве: никаких брызг крови на руке, которой был совершен порез? Невозможно, чтобы она сама сделала это.

– Мисс Стокер, вы узнали эту молодую девушку?

Прежде чем она успела ответить, я услышала звук приближающихся шагов. Определенно шел не один человек, так что, похоже, мисс Адлер не только позвонила в полицию, но и привела ее на место преступления.

– Поторопитесь, – не удержалась я, когда мисс Стокер двинулась в мою сторону, все еще сжимая пистолет, направленный на нарушителя.

Она громко сглотнула.

– Да, я считаю, что это одна из…

Все, что она собиралась сказать, заглушил странный звук. Должно быть, это была музыка, но прежде мне никогда не приходилось слышать ничего

подобного. Я повернулась и увидела скользнувший по полу маленький серебристый предмет. Его верхняя часть излучала яркий свет. Казалось, что этот громкий, пронзительный, вибрирующий звук исходил именно от него. Вдруг мисс Стокер отпрыгнула в сторону – одна из больших каменных статуй на краю галереи пошатнулась и начала крениться.

– Осторожно! – закричала я, когда каменный сатир с щетинистыми волосами повалился на пол.

– Ни с места! – раздался командный голос, и двое мужчин вместе с мисс Адлер выбежали из-за угла Римского зала.

– Он ушел! – прошипела мисс Стокер, все еще сжимавшая в руках пистолет мисс Адлер и оказавшаяся теперь рядом со мной. Она указывала туда, где секунду назад стоял молодой человек. Игнорируя крики новоприбывших, мы бросились туда, где находился злоумышленник. Воспользовавшись моментом или специально проделав отвлекающий маневр, он успел скрыться в темноте.

– Я за ним, – начала было мисс Стокер.

– Вы! Мисс! Стойте на месте! – приказал голос.

– Проклятье, – пробормотала я, схватив серебристый предмет, предположительно, принадлежавший нарушителю.

Умно было отвлечь наше внимание с помощью этой штуки, но хорошо, что она осталась здесь.

Сейчас гладкое плоское устройство затихло и потемнело. Я убрала его в карман своих брюк, чтобы изучить позже, в надежде, что оно не заверещит снова. Наконец я обернулась, чтобы поприветствовать мисс Адлер и двух джентльменов – инспекторов Скотланд-Ярда, которые пытались перевести дух после погони по залу.

– Дамы, это инспектор Лакворт.

Мисс Адлер указала на старшего из двух мужчин, среднего роста, лет около сорока, с весьма скромной шевелюрой, но при этом ухоженными бородой и усами, скрывающими его губы.

Я быстро проанализировала то, что видела. Сюртук, застегнутый не на те пуговицы, наполовину заправленная рубашка и разные ботинки: одевался в спешке и в темноте, вероятно, чтобы не разбудить жену.

Потускневшее обручальное кольцо, сидит плотно, но все же снимается: женат минимум три года и любит стряпню своей жены.

Маленькие следы от пальцев чуть выше колена и засохшее пятно от молока спереди на брюках: в доме есть маленький ребенок.

Легкая асимметрия в одежде и тихий гул: механизированная левая нога, которая нуждается в смазке.

– Мисс Адлер, – начал Лакворт не слишком дружелюбным тоном, – кто эти девушки? И что они делают здесь в ночное время? Что вы здесь делаете в этот час? И как это произошло? – добавил он, указывая на обломки, бывшие некогда каменным сатиром.

Мы с мисс Стокер обменялись взглядами. Его последнее замечание звучало так, будто мы были двумя провинившимися школьницами.

– Меня наняли каталогизировать предметы старины, приобретенные музеем за последние три десятилетия, инспектор, – ответила мисс Адлер. – Я уверена, что вы об этом знаете.

– Да, и до сих пор считаю немыслимым, что директор выбрал для этого именно вас.

– К несчастью, это мнение не имеет никакого отношения к развернувшейся сейчас трагедии, – отметила мисс Адлер, холодно улыбнувшись.

Младший инспектор, который был всего на несколько лет старше меня, закончил осмотр тела и поднялся в полный рост.

– Верно. Однако, мадам, это совершенно не объясняет вашего присутствия здесь в…

Он сделал паузу, чтобы открыть замысловатые карманные часы с четырьмя маленькими складными дверцами. Когда они раскрылись, появился сложный трехмерный хронограф с кнопками, и инспектор продолжил:

– …в двенадцать часов и сорок три минуты ночи.

Он нажал на кнопку, и часы снова сложились, издав тихое, приятное пощелкивание.

Улыбка мисс Адлер потеплела:

– Конечно, объясняет! В моем графике нет ограничений по времени. Сэр Фрэнкс дал мне разрешение на доступ в музей в любое время дня и ночи. Уж вы-то, инспектор…

– Грейлинг, – ответил молодой человек. – Эмброуз Грейлинг.

– Инспектор Грейлинг… вы и ваш коллега должны понимать, что существуют определенные профессии, неподвластные четкому рабочему графику. Человек вынужден работать тогда, когда это необходимо, даже глубокой ночью, – добавила она, сделав плавный жест рукой. – Может быть, мы вернемся к придиркам относительно моих рабочих ограничений позже. Я позвонила в Скотланд-Ярд потому, что произошло преступление, которое нам нужно расследовать, и уверена, что вы оба хотели бы приступить к работе как можно быстрее.

– Нам нужно расследовать? – удивленно переспросил Лакворт и засмеялся. – Мисс Адлер, в этом деле нет никаких «нам». Вы и ваши спутницы дадите показания и оставите расследование нам.

– При всем уважении позволю себе не согласиться, инспектор, – возразила мисс Адлер мягким тоном. – Мы уже начали расследование.

Я восприняла это как сигнал к действию и сказала:

– Я произвела предварительный осмотр тела. Если пожелаете, введу вас в курс моих умозаключений…

– Прошу прощения, – прервал меня инспектор Грейлинг спокойным голосом, в котором слышался легкий шотландский акцент, нимало меня не удививший, так как он вполне подходил к темно-рыжему цвету густых вьющихся волос инспектора.

Я полностью переключила свое внимание на Грейлинга, заметив, что он довольно привлекательный молодой человек. На его загорелом лице виднелись веснушки, однако это не делало его похожим на невинного мальчишку. Напротив, они только подчеркивали его квадратную челюсть и крупный нос.

Неровная щетина на подбородке и небольшой порез возле левого уха: пора заточить бритву; характер нетерпеливый.

Палец, которым он сжимал карандаш, украшали порезы, ссадины, а также большой волдырь: не носит перчаток; много работает, но не без спешки и неуклюжести.

Нет обручального кольца, а одна пуговица на рукаве куртки едва держится: не состоит в браке, и в его доме не живут женщины.

Манжеты изношены, не прикрывают его тонких запястий; наряд два года как вышел из моды: пользуется одеждой, бывшей в употреблении; к высшему классу не принадлежит.

Изысканные, сложные карманные часы, но при этом носит старую одежду: ярый поклонник новомодных устройств, больше заботится о них, чем о том, как выглядит.

Грейлинг начал говорить:

– Гражданских лиц это не касается. Теперь, если вы…

– Инспектор Лакворт, инспектор Грейлинг, – прервала его мисс Адлер, – разрешите представить вам мисс Мину Холмс.

Оба джентльмена повернулись ко мне, и если бы я не была так потрясена тем, что снова оказалась в центре внимания, выражение их лиц показалось бы мне презабавнейшим. Лакворт выглядел так, словно целиком проглотил печенье, а Грейлинг поднял свой шотландский нос, будто учуял запах испортившегося хаггиса[12 - Хаггис – традиционное шотландское блюдо из бараньих потрохов, рубленных с луком, салом, овсяной мукой, специями и сваренных в бараньем желудке.]. (Кстати, я придерживаюсь мнения, что хаггис всегда плохо пахнет.)

– Я полагаю… – начал Лакворт, но его прервал младший коллега:

– Холмс? Вы же не ждете, что мы в это поверим…

– Я племянница Шерлока и дочь сэра Майкрофта. Странные имена и отличные навыки в дедукции распространяются в моей семье как оспа на Хеймаркете[13 - Хеймаркет – лондонская улица в Сент-Джеймсе в Вестминстере, которая в старину считалась кварталом красных фонарей.].

Не знаю, откуда у меня взялась такая уверенность, но слова буквально сами соскочили с кончика языка.

– Я не представляю, откуда такая юная леди, как вы, знает о проклятье Хеймаркета, – фыркнул Грейлинг, и взгляд его серо-зеленых глаз был так холоден, что мои щеки тут же покраснели. – Но, несмотря на вашу фамилию, которую я все же приму в качестве доказательства непосредственного отношения к уважаемым господам Холмсам, ваша помощь нам не нужна. Инспектор Лакворт и я хорошо подготовлены и способны выполнять работу без вмешательства со стороны женщ… гражданских лиц.

– Чудесно, – сказала я, задрав нос. – Продолжайте.

В тот момент я пожалела, что лишена возможности сжать рукой подол юбки, чтобы тем самым придать некий гендерный акцент моей досаде. От выражения его лица, высокомерного, хоть и вежливого, меня передернуло. Но мою новую наставницу было не так-то легко запугать.

– Мы не уйдем, пока не закончим наше собственное расследование, – заявила мисс Адлер, сопроводив свои слова кивком в мою сторону, который означал, что я должна продолжать работу.

Я скользнула прочь от этого собрания.

– Ваше расследование? – усмехнулся Лакворт, когда я опустилась на колени рядом с мертвой девушкой. – Это не чаепитие, мисс Адлер, не женский салон и даже не встреча суфражисток, а место преступления, где останутся только следователи.

С трудом справившись с комом в горле, я обыскала карманы пышных юбок жертвы, пока мисс Адлер низким и спокойным голосом разговаривала с инспектором. Я не ожидала найти что-то столь же очевидное, как скарабей Сехмет, но любая мелочь могла стать зацепкой. На жертве не было украшений, за исключением гребня с топазами в темных волосах. Перчатки на руках отсутствовали.

– Ее королевское высочество позволила вам… – начал Лакворт и тут же подавился собственными словами, словно не желая сказать то, о чем впоследствии может пожалеть.

Пока между инспектором и мисс Адлер бушевала дискуссия (в широком смысле слова), я воспользовалась своим ручным фонариком, чтобы осмотреть рану на руке девушки. Заметив это, Грейлинг издал резкий возглас негодования и бросился в мою сторону. Таким образом его ботинки оказались в поле моего зрения – совсем рядом с моими ногами в широких брюках. Я сидела на корточках и заметила, что в мягком освещении музея его обувь сверкала чистотой – за исключением небольшого участка возле самых подошв, где виднелась россыпь пятен грязи. Это навело меня на мысль о чужаке и его странно чистых ботинках. Интересно, он все еще в музее?

– Мисс Холмс, это место преступления, – напомнил мне Грейлинг недовольным тоном.

– Мне это известно. Я провожу осмотр и делаю выводы. Может, сравним записи?

Инспектор посмотрел на меня сверху вниз, и свет моего маленького фонарика сверкнул в его глазах, во взгляде которых все еще читалось сильное раздражение, портившее его приятное лицо.

– Если вы считаете необходимым поделиться с нами своей информацией, я не могу вам препятствовать, мисс Холмс. Но мы с напарником способны сделать собственные выводы, – возразил он и опустился на корточки рядом со мной.

Я почувствовала исходящий от его кожи аромат свежести и лимона, заметила веснушки на крупных и умелых руках. Внезапно мне стало очень неловко в моих пыльных мужских брюках и плохо сидящем жакете. В этот момент мне захотелось перестать выглядеть как уличный мальчишка. Возможно, будь на мне другая одежда, меня восприняли бы более серьезно.

К нам подошли инспектор Лакворт и мисс Адлер.

– Что-нибудь обнаружил, Броуз? – спросил Лакворт. Голос его все еще звучал недовольно, но, похоже, инспектор сдался.

– Много чего, – ответил Грейлинг. – Смерть наступила четыре часа назад…

– Скорее всего, три, – вмешалась я, – судя по ее пальцам.

Он бросил на меня взгляд, и его серые глаза оказались настолько близко, что я смогла разглядеть янтарные пятнышки на радужке.

– Я измерил температуру вот этим устройством, – объяснил он, вытащив тонкий серебряный инструмент из кармана своего жилета, – оно показывает, что тело начало остывать как минимум четыре часа назад.

Проклятье. Я замолчала и кивнула в знак согласия, стараясь не смотреть на прибор со слишком явным интересом. Я никогда раньше не видела этот блестящий и полезный инструмент. И хотя мой собственный термометр был примитивным, я решила, что больше никогда не оставлю его дома. Устанавливать время смерти с его помощью намного проще, чем оценивая трупное окоченение.

– Как я уже говорил, – продолжил Грейлинг спокойным голосом, с легким намеком на шотландский акцент, – смерть наступила сегодня приблизительно в девять часов вечера вследствие раны на левом запястье, по всей видимости, нанесенной самостоятельно.

– Самоубийство? – произнес Лакворт, и его лицо приобрело внимательное и серьезное выражение.

– Это не самоубийство… – начала я, но Грейлинг тут же перебил.

– Я сказал, по всей видимости.

Мы посмотрели друг на друга, и его губы сжались.

– Пожалуйста, мисс Холмс, продолжайте, – предложил он.

Когда я подняла правую руку женщины, на которой не было раны, мое сердце забилось сильнее.

– Невозможно порезать себе запястье и при этом не запачкать кровью рукав, – начала я. – А крови почти нет. Только несколько крошечных капель. И…

– Кроме того, – перебил Грейлинг, – она бы не порезала эту руку, потому что…

– Она была левшой, – закончили мы одновременно.

– Действительно, – согласилась мисс Адлер, глядя то на меня, то на Грейлинга.

– Нам нужно будет опознать ее, – обратился Лакворт к своему напарнику.

– Это будет несложно, – ответила я.

– Нет, не будет, – возразил Грейлинг. – Судя по ее одежде, сшитой из качественной ткани, она из состоятельной семьи. Мы можем осмотреть ее туфли…

– Или мисс Стокер может просто назвать ее имя, – произнесла я, возможно, излишне громко.

Я вопросительно взглянула на девушку, которая вглядывалась в темноту, будто пытаясь что-то в ней разглядеть. Или кого-то.

Грейлинг бросил на меня недовольный взгляд, когда Лакворт повернулся к моей спутнице.

– Ну? – сердито окликнул он ее.

– Я полагаю, что это одна из сестер Ходжворт из Сент-Джеймс-парка. Лесия или Мэйлин.

Лакворт проворчал что-то себе под нос и записал имя, а я тем временем воспользовалась возможностью подойти к ножу, который еще лежал на полу, там, куда молодой человек бросил его по указанию мисс Адлер. Кровь на лезвии и рукояти уже давно засохла. Я с трудом подавила желание тут же поднять его, чтобы изучить подробнее.

– Посмотрите на это, – сказала я, забыв о наших с Грейлингом разногласиях. – Видите?

Я снова присела и подняла руку мисс Ходжворт, чтобы показать ему резаную рану:

– А теперь посмотрите на лезвие.

Грейлинг опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть оружие. Блик света упал на его волосы, выделяя редкие медные и светлые пряди среди темных волн цвета красного дерева.

– Этим клинком невозможно нанести такую рану. Порез очень ровный, а…

– …лезвие тупое и толстое, – перебила я. – У раны были бы рваные края.

– Именно, – пробормотал он, все еще глядя на рану.

Грейлинг опустил руку в карман жилета и достал металлический предмет размером чуть больше пенсне с большим количеством шестеренок, приладил его перед одним глазом и установил окулярную линзу. Раздался щелчок. Устройство держалось за счет кожаных ремней, закрепленных над висками и вокруг головы,

и выглядело как механизм часов с бледноголубым стеклом, сквозь которое можно смотреть одним глазом.

Раньше я никогда не видела глазных луп такого типа – это устройство, казалось, не только увеличивало предметы, но и измеряло их. Грейлинг поднял свои крупные, но изящные пальцы к виску и повернул прикрепленное к шестеренкам маленькое колесико. Я услышала пощелкивание, и прибор замерил рану на запястье мисс Ходжворт.

Дядя Шерлок часто жаловался на то, что полицейские не обращали внимания на само место преступления. Они топтались вокруг, переставляли предметы и, по его словам, даже не замечали орудия преступления, пока на него не показывали пальцем. Но даже он не нашел бы к чему придраться в работе Грейлинга. Единственное, что ему, возможно, не понравилось бы, – использование инспектором такого причудливого устройства. Когда речь заходила о подобных приспособлениях, мой дядя превращался в жуткого ретрограда.

– Что это там? – поинтересовался Лакворт, только заметив, чем занят его напарник. – Снова тратишь время на цифры, Броуз? Почему бы тебе не опросить свидетелей? Они нашли девушку. Не математика, а люди и свидетели способны раскрыть это дело – и все остальные на твоем столе. Я устал и хочу вернуться в кровать.

Грейлинг встал, и его лицо показалось мне жестче, чем прежде. Он не взглянул на меня, а со своим напарником заговорил жестким тоном. Один его зеленовато-серый глаз все еще увеличивала линза.

– Система бертильонажа[14 - Бертильонаж – система идентификации преступника по внешним антропометрическим данным.] уже оказалась полезной в трех делах…

– В Париже, – подчеркнул Лакворт. – Не в Лондоне. Все это – чертова пустая трата времени. Прошу прощения, мисс Холмс, – добавил он. – Это не помогло нам найти Джека Потрошителя, не так ли? Или парня, который прикончил мисс Мартиндэйл.

– Я думала, мисс Мартиндэйл повесилась, – вмешалась я, резко вставая. – Вы хотите сказать, что ее тоже убили?

Грейлинг сжал зубы, бросив на Лакворта быстрый взгляд, и снял лупу. Затем он вскользь посмотрел и на меня.

– Не было никакой подставки под ногами, – наконец рыкнул он словно с вызовом, и его шотландский акцент стал еще сильнее.

– Вы хотите сказать, не было ничего, на что она могла бы встать, чтобы завязать петлю вокруг шеи и шагнуть вниз? – уточнила я, с трудом сглотнув.

Грейлинг ничего не сказал, поэтому я восприняла молчание как положительный ответ.

Если ей не на что было подняться, мисс Мартиндэйл не могла повеситься. Ее повесил кто-то другой.

Перед нами два случая фальшивого самоубийства и одно исчезновение. Две девушки были связаны скарабеем Сехмет.

Может ли быть, что и мисс Ходжворт – тоже? Как и мой дядя, я не верила в совпадения.

Мисс Стокер

Злокозненный эльф обчищает карманы мисс Стокер

Я смотрела, как Мина Холмс садится в безлошадный кэб, остановившийся перед зданием музея. Мрамор колоннады центрального входа был ледяным, когда я уходила. Широкая полоса лунного света скользнула над крышей автоповозки и осветила блестящую дорогу. Газовые фонари, которые обычно освещали прилегающую к музею территорию, не горели. Кто-то хорошо постарался, чтобы все это место оставалось скрытым тьмой.

Мимо меня с грохотом проехал конный экипаж, но в остальном нижний уровень улицы был пуст. Единственный источник движения – крадущаяся кошка и что-то

маленькое и темное, что было ее добычей.

Я все еще не могла избавиться от чувства стыда из-за того, что при виде мертвой девушки мне скрутило внутренности. Вся эта кровь…

Но зрелище, которое являла собой бедная мисс Ходжворт, было ничто в сравнении с моими воспоминаниями о мистере О’Галлехе, его развороченных шее и туловище, вывалившихся внутренностях… о красноглазом вампире, который поднял на меня взгляд и улыбнулся, в то время как с его клыков капала кровь.

Даже сейчас я зажмурилась и крепко сжала пальцы, отгоняя пугающие образы и воспоминания о том ужасе, который испытала, когда с колом в руках неуверенно двинулась в сторону вампира. Я никогда не забуду тот запах. Запах крови.

Смерти.

Зла.

Я помню, как снова и снова мыла руки, пытаясь избавиться от крови и вспомнить, каким образом она на них попала. У меня нет четких воспоминаний о том, что конкретно произошло: убила ли я вампира, как и должна была, или так и осталась стоять, парализованная видом крови мистера О’Геллеха, которая была всюду.

Вмешалась ли моя наставница Сири? Или вампир сбежал?

Эта неопределенность и осознание собственного провала не давали мне покоя.

Теперь, спустя год после моей единственной встречи с вампиром, я все еще вздрагивала при мысли о той ночи… и о том ужасе в музее, свидетельницей которого мне пришлось стать.

Мина Холмс так спокойно подошла к чудовищному месту преступления и казалась такой заинтересованной, что я уж подумала, будто она сейчас опустится на корточки и начнет обнюхивать все этим своим длинным тонким носом. Чувство стыда пронзило меня, камнем осев где-то в желудке. Я была

избранной. Я родилась, чтобы охотиться на вампиров. Я была наделена сверхчеловеческими силой и скоростью. И все же при виде крови и последствий какой-нибудь бойни все внутренности мне скручивало, желудок подкатывал к горлу и… я застывала как парализованная. Я часто задавалась вопросом, почему не выбрали Брэма. Он имел нездоровый интерес ко всему, что касалось нежити, и твердую уверенность, что в этой области он эксперт. Он действительно был экспертом по этой части и все же не имел ни малейшего понятия, каково это – учиться драться с вампирами, обращаться с колом и запоминать, в какую именно точку на груди вампира наносить единственный смертельный удар, быть готовым забрать жизнь – и неважно, проклятого существа или нет.

Но избранной, той, что была предназначена для такой жизни, стала я. И мне пришлось идти по стопам моей прародительницы Виктории, самой известной женщины – охотницы на вампиров из когда-либо живших.

Естественно, Мине Холмс с ее стальным желудком недоставало физических качеств, которые хранили меня от опасностей темных переулков. Она, может, и отличалась блестящим умом, но я была быстрее, сильнее и обладала способностью чувствовать присутствие вампиров, о чем предупреждал неприятный холодок на шее. Это хоть немного утешало. Когда кэб мисс Холмс проехал по мокрому булыжнику и исчез из вида, оставив меня с ночью наедине, я закрыла глаза и прислушалась к знакомым звукам спящего Лондона. Слышался негромкий шум, который сопровождался гулом блуждающего по улице ночного прожектора. В соседнем квартале заскрипели тяжелые ворота уличного лифта. В воздухе пахло мокрой травой и угольным дымом, а еще извечным смрадом сточных вод – затхлых и гнилых.

– Чего-то ждете? – раздался у меня за спиной мужской голос.

Я резко открыла глаза и едва смогла подавить вздох удивления.

– Ждала, когда вы покажетесь, – ответила я, не оборачиваясь.

Хотя мое сердце колотилось, голос оставался спокойным и ровным. Я потянулась в карман юбки, который оттягивал своим весом пистолет.

От его низкого раскатистого смеха у меня по шее побежали мурашки. И это было почти… приятно. Совсем не похоже на зловещее предупреждение о

приближении вампира.

– Признайся, детка, – он говорил на настоящем кокни[15 - Кокни – специфический диалект, на котором традиционно говорят представители лондонских низов, а также их пренебрежительно-насмешливое прозвище.], – ты меня не засекла, пока я не начал болтать.

Я обернулась, вглядываясь в тень. И заметила его в темном укромном уголке у стены, укрывшегося за небольшим кустом. Я могла разглядеть лишь контуры его фигуры на фоне резких линий кирпичной кладки, но больше никаких деталей, только край головного убора.

– Верно, – согласилась я. – Ни ваше присутствие, ни ваше отсутствие меня не тревожит.

Мое сердце билось с бешеной скоростью, а по венам вместе с кровью циркулировало предвкушение: наконец-то начинает происходить что-то интересное.

Что-то опасное.

Он снова усмехнулся и немного сдвинулся. Луч лунного света упал на его кепку и, скользнув по лицу, задрожал на плече, укрытом тканью длинного развевающегося пальто. Я мельком увидела его темную бровь и изгиб улыбки.

Человек вышел из темноты. Он оказался высоким и широкоплечим, я невольно отметила чисто выбритый квадратный подбородок. И хотя я видела только общие контуры его лица, по голосу и манере держаться мне стало ясно, что он ненамного старше меня.

– Может, ты ждала, что появится еще кто-нибудь? Например, красавец, залитый лунным светом?

Холод пистолета в кармане успокаивал, но я не видела необходимости его доставать. Еще никогда в жизни мне не было так интересно. Даже при условии, что моя подготовка еще не была завершена, я с легкостью могла противостоять обычному человеку.

– Просто дышу ночным воздухом, – ответила я.

«Почему я все еще стою и разговариваю с ним? Если только…»

– А вы зачем притаились здесь в это время суток? Должно быть, задумали что-то недоброе?

Он снова улыбнулся. На этот раз я мельком увидела белые зубы и ямочку на правой щеке.

– Да я вообще недобрый, мисс Стокер, – произнес незнакомец низким, бархатистым и каким-то тусклым голосом.

Меня охватил неожиданный трепет – но только потому, что он знал мое имя, а вовсе не из-за того, как его голос окутывал меня, вызывая отклик где-то глубоко внутри.

– Похоже, у вас есть преимущество, юноша.

Однако молодой человек, который уже несколько лет как не был юношей, не отреагировал на мое детское оскорбление.

Он снова разразился низким, раскатистым смехом:

– Иметь преимущество перед охотником на вампиров – это достижение, не правда ли?

На этот раз покалывание в позвоночнике было не таким приятным. Он не только знал мое имя, но и был в курсе тайной части моей жизни. Я сомкнула пальцы на прохладной рукоятке своего пистолета.

– Что вам нужно? – спросила я напрямую, чувствуя, что теряю превосходство, если оно вообще у меня когда-то было.

Он, видимо, заметил перемену в моем поведении, потому что его голос зазвучал более настойчиво:

– Не знаю, что произошло этой ночью там, внутри, но когда вызывают детективов, даже такие остолопы, как я, понимают, что это не к добру. Кто-то купился? Или Потрошитель снова в деле?[16 - Джек Потрошитель – псевдоним, присвоенный серийному убийце, который действовал в Уайтчепеле и прилегающих районах Лондона во второй половине 1888 года.]

– Такой остолоп, как вы?

Я недоуменно приподняла брови, хотя была уверена, что этого не видно при тусклом освещении.

Мне был понятен его говор кокни, понимала я и то, что скромность, которую он пытается изобразить, напускная. Даже проведя в его обществе всего пару минут, я понимала, что этот человек далеко не глуп – или, его же словами, не «остолоп».

– Немного скромности никогда не помешает, а, детка? – усмехнулся незнакомец.

В тот момент я заметила наверху едва уловимую тень движения. Он тоже ее увидел, потому что мы одновременно взглянули вверх. Над нашими головами необычно низко пролетал странный дирижабль. Мой спутник что-то пробормотал, а затем я поняла, что очутилась в самой глубокой нише музея. Незнакомец оказался очень силен и быстр, в одну секунду так вжав меня в темный угол между двумя кирпичными стенами, словно хотел, чтобы мы растворились в них. Окруженная со всех сторон мокрой, пропахшей табаком шерстяной тканью его пальто, я обнаружила, что мой подбородок прижат к его плечу, а его сильная рука обхватила мою талию. Тем не менее я продолжила смотреть вверх, следя, как мимо нас проплывал странный корабль. Двигаясь достаточно низко, он вошел в воздушный канал и скользнул между зданиями. Он летел так близко, что можно было бы попасть на борт, просто шагнув с верхнего уровня улицы.

Этот дирижабль не был похож ни на один из тех, что я видела раньше. Он имел эллиптическую форму, был у?же, меньше размерами и элегантнее, чем те, которые были мне знакомы. А еще он отличался устрашающими веерообразными крыльями и раздвоенным, как у ласточки, хвостом.

Дирижабль плыл, словно темное облако, зловещее и отталкивающее, бесшумное, призрачное.

– Черт побери, – пробормотал мой спутник.

Я с удивлением осознала, что все еще зажата между его широкой грудью и мокрой кирпичной стеной и что его акцент почти исчез.

– Что это было?

– Тебе этого лучше не знать. Это битва, от которой тебе стоит держаться подальше.

Он взглянул вниз. Его лицо было очень близко, глаза устремлены на меня. Я даже видела, что его переносица светлее сгустившихся вокруг теней. В этот момент я осознала, что дыхание у меня сбилось.

– Я уверена, что они нас не видели.

Мне нужно было сказать хоть что-то. Я попыталась его оттолкнуть, но он не сдвинулся с места. И хотя можно было с легкостью отбросить его на землю, я не стала этого делать. Мне не хотелось полностью показывать свои физические возможности, хоть он и знал, кто я такая.

Только тут мне пришло в голову, что надо бы убрать пальцы с лацкана его пальто.

– К чему такая спешка, детка? – спросил он низким, мурлыкающим голосом. – Боишься, что я на тебя накинусь?

Акцент вернулся и стал еще сильнее, чем был до этого. Незнакомец определенно его подделывал.

– Вы не найдете ничего ценного в моих юбках.

Я попыталась не думать о том, где были его руки… или куда могли проникнуть… если он действительно намеревался обыскать мою одежду в поисках чего-

нибудь ценного.

От этой мысли мои щеки вспыхнули в темноте.

– Даже вот это? – усмехнулся он, и вдруг прямо между нами оказался мой пистолет.

Луна, словно притянутая магнитом, сверкнула на гравированном стволе, и это была единственная вспышка света в этом темном углу.

– Хороший кусок железа, детка. Однако у охотника за вампирами я ожидал найти что-нибудь более причудливое.

Проклятье! Я даже не почувствовала движения его руки.

– Кто вы? – не выдержала я.

Я должна была выяснить хотя бы имя этого человека, от которого пахло древесным дымом и чем-то свежим и пряным.

Наш резкий нырок в угол привел к тому, что его мягкая кепка съехала на затылок, и я смогла наконец полностью разглядеть лицо своего спутника. Проницательные глаза, а у висков – несколько завитков вьющихся волос, цвет которых я не смогла бы определить. Изящный нос и темные брови вразлет. На вид ему было около двадцати.

Незнакомец отвернулся, словно осознав, что теперь у меня появилась возможность его рассмотреть.

– Меня зовут Пикс.

Он поправил кепку и, к моему удивлению, вернул пистолет.

– Пикс? – переспросила я, убрав оружие обратно в карман.

Не было никакого смысла показывать, что мне не по себе и я нуждаюсь в оружии.

– Это от слова picks?[17 - Pick – обворовывать, обчищать карманы (англ.).] Как раз то, что вы делаете с чужими карманами. Какая подходящая фамилия!

– Нет, детка. Просто Пикс. Как «пикси»[18 - Pixy – фея, эльф (англ.).]. Я словно злокозненный маленький эльф из легенды, которого невозможно поймать. – на его лице снова появилась кривая улыбка.

Я едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. Маленький эльф из него был такой же, как из меня скромнейшая фрейлина принцессы Александры. Однако в том, что касалось злокозненности, я была вполне согласна.

– Если когда-нибудь попадешь в переделку на этих улицах, просто скажи, что знаешь Пикса.

Его голос снова стал ниже, приобретя прежнюю раскатистую бархатистость, и он вдруг взял меня за руку, отчего у меня перехватило дыхание и внутри все затрепетало. И, прежде чем я смогла вырваться, он поднял мою руку и, не отводя глаз, прижался к ней губами.

Они были теплыми, мягкими и оставили только легчайший след влаги на коже, когда он снова поднял голову. Я поверить не могла, что этот человек позволил себе такую дерзость, и, вырвав руку, отвесила ему пару добрых оплеух. Тыльная сторона моей руки горела огнем, словно от какой-то жгучей метки, а пульс колотился как бешеный, будто по венам у меня бежала не кровь, а табун лошадей.

– С чего бы мне понадобилось ссылаться на чье-то имя, чтобы избежать неприятностей? – высокомерно ответила я, борясь с желанием стереть отпечаток его губ со своей кожи. – Я Стокер, в конце концов!

– Да, каждой клеточкой своего тела, – согласился Пикс, и его голос был низким и спокойным. Он медленно стал отступать назад, в тень живой изгороди. – Поэтому я оставлю тебя наедине с собой без малейших угрызений совести.

– Подождите, – я вспомнила его слова о том, что он видел кого-то рядом с музеем.

Я шагнула в его сторону, но Пикс уже скользнул во тьму. Луна исчезла за огромным облаком, а фонари, которые должны освещать периметр музея, были темны. Ветки изгороди шевельнулись.

Он не остановился, но звук его голоса был хорошо слышен в ночном воздухе:

– Если понадоблюсь, мисс Стокер, сможете меня найти через «Старого Капитана Маго».

– Зачем бы вы мне понадобились?

– Чтобы рассказать о том, что видел этой ночью, – ответил Пикс, и теперь его голос раздавался совсем издали. – До того как прибыла полиция, из музея вытащили большой ящик. Четверо проходимцев очень подозрительной наружности.

– Ящик? Большой?

Судя по всему, Пикс остановился, и хотя я имела лишь смутное представление о его местонахождении, я изо всех сил вглядывалась в темноту. Почему я не могу его увидеть? Я же отлично вижу в темноте!

– Больше меня. На вид тяжелый, – отозвался Пикс из темноты. – Они положили его на повозку. У одного из них была еще другая штука, длинная и тонкая. Вроде трости. Они скрылись в южном направлении.

– Когда? Когда вы это видели? И что вы там делали?

Тишина.

Проклятье!

– Пикс!

Он не ответил, но в темноте послышались тихий смешок и шелест листьев.

Вдалеке колокола собора святого Павла пробили четыре утра. Я наконец стерла с кожи его поцелуй и при этом очень надеялась, что ему из-за изгороди это было хорошо видно.

Мисс Холмс

Незваный гость

Садясь в безлошадный кэб, я чувствовала себя совершенно измотанной. Мисс Стокер придумала какую-то отговорку, чтобы никто не провожал ее домой, и исчезла в тени зданий. Мне же пришлось дать инспектору Лакворду официальные показания, опустив такую незначительную деталь, как появление музейного нарушителя: я была абсолютно уверена, что еще увижу этого чужестранца в ближайшее время. Не успел кэб проехать всего один квартал, как мои подозрения подтвердились.

Темная фигура, сидящая напротив меня в автоповозке, пошевелилась и обрела лицо, за которым последовали две руки, кажущиеся невероятно бледными в серых сумерках приближающегося рассвета. Я замерла, осознавая, что темная масса, принятая мной за груду подушек и одеял, – определенно не самая обычная вещь в лондонском наемном кэбе, – на самом деле оказалась чужеземным злоумышленником, спрятавшимся в темном углу экипажа. Я слишком устала, став рассеянной, чтобы как следует все рассмотреть. Я нащупала свой паровой пистолет и крепко сжала рукоять. Это заняло у меня несколько больше времени, чем хотелось бы, но нарушитель и так уже поднял обе руки и произнес:

– Не волнуйтесь, я не причиню вам вреда.

– Конечно, нет, – согласилась я, направляя на него дуло пистолета.

Мои пальцы немного дрожали, но в темноте он бы все равно этого не заметил.

– Кто вы и что здесь делаете?

Мне пришло в голову, что я могла бы закричать и тем самым привлечь внимание извозчика, но я по природе своей человек любознательный и к тому же была вооружена.

– Меня зовут Дилан Экхерт. И я… я бы хотел поговорить с вами.

– А вы разве не должны натирать воском полы в музее? – усмехнулась я.

– Да, я и не ожидал, что вы мне поверите, – коротко усмехнулся он. – Можно мне уже опустить руки? Даю слово, что в мои намерения входит только беседа с вами.

– Что ж, отлично. Я тоже хочу с вами поговорить. Но хоть одно малейшее движение с вашей стороны – и я нажимаю на курок. Вы тотчас будете поражены паром.

Его первый вопрос меня удивил:

– Вы действительно племянница Шерлока Холмса?

– Конечно.

Я поняла, что он, должно быть, слышал наш разговор с Грейлингом и Лаквортом.

– Но я думал, что Шерлок Холмс – это выдуманный персонаж, – ответил мистер Экхерт, и на его лице застыло изумленное и даже слегка испуганное выражение. – Я нахожусь в Лондоне? Какой сейчас год?

Очевидно, незнакомец страдал амнезией или же был совершенно безумен. А я оказалась закрытой вместе с ним в экипаже. При этой мысли я еще сильнее сжала в руках свой пистолет.

– Мой дядя так же реален, как вы и я. И да, вы в Лондоне. Сейчас 1889 год. Кто вы и откуда? Я желаю получить ответы на свои вопросы.

– Как и я, честно говоря, – признался он. – На самом деле я бы очень хотел получить обратно мой… ту штуку. Вы подобрали ее с пола.

Я достала устройство из кармана. Оно выглядело как маленькое темное зеркало, но его лицевая сторона, хоть и была черной, блестящей и немного отражала свет, четкого изображения не давала. Предмет был размером с мою руку. Он выглядел тонким и изящным, был сделан из стекла и покрыт серебристым металлом. Я перевернула его и заметила нечеткое изображение надкушенного яблока.

– Вам это нужно? Я думала, вы отдали его нам. В конце концов, вы швырнули его через весь зал.

– Да, верно. Вы слишком умны, чтобы поверить в это.

Я не могла не согласиться, поэтому сменила тактику:

– Что это?

– Это… телефон, – нерешительно ответил он. – Особый вид телефона.

Устройство не было похоже ни на один телефон, который я когда-либо видела. На нем не было места, куда говорить и где слушать, и у него отсутствовали провода. Я провела по устройству пальцами и поразилась, насколько оно легкое и гладкое. Должно быть, каким-то образом это привело к его активации, потому что лицевая сторона загорелась, и на ней появились многоцветные картинки. Но, по крайней мере, устройство не начало снова издавать пронзительные звуки.

– Я могла бы вернуть это вам, если вы ответите на мои вопросы.

– Что вы хотите узнать? И, кстати, почему вы не рассказали обо мне детективам?

Я и сама толком не знала почему, так что решила не отвечать. Было в этом молодом человеке что-то притягательное. Чувствовалось, что он скрывает больше тайн, чем казалось на первый взгляд. Вместо того чтобы отвечать на его вопрос, я задала свой:

– Вы видели или слышали кого-нибудь до того, как нашли тело девушки?

– Мне кажется, я слышал, как открылась и закрылась дверь, но я незнаком со всеми звуками музея, поэтому не могу говорить с полной уверенностью. Затем я услышал какой-то звук, похожий на шарканье обуви по полу. Я… м-м-м… шел по музею, пытаясь найти… выход, и буквально споткнулся о ее тело. Я оказался там всего за пару секунд до вас.

Из кабинета мисс Адлер мы тоже услышали грохочущий звук паровых механизмов входной двери, но нам потребовалась минута-другая, чтобы добраться до места, где мы обнаружили мисс Ходжворт и мистера Экхерта.

– Где находился нож, когда вы оказались рядом с девушкой? Она держала его в руках?

– Нет. Он лежал на полу, рядом с ней. Я думаю… что помешал кому-то, потому что все выглядело так, словно нож выронили.

– Почему вы живете в музее? – спросила я, сменив тему разговора.

– Я не живу в музее. Я попал туда сегодня вечером, за несколько часов до того, как встретил вас.

– Это невозможно. У вас ботинки чистые, – возразила я и предупреждающе качнула пистолетом. – Как насчет правды, мистер Экхерт?

– Все очень запутанно. Но я думаю, если существует хоть малейший шанс, что я смогу вернуться домой, мне нужно кому-то довериться.

Он выглянул в окно, и газовый уличный фонарь бросил короткий золотой блик на его серьезное лицо и взлохмаченные волосы, которые доходили до шеи, закрывая уши и лоб. Я почувствовала, как в моей груди что-то сжалось, и поспешила отвести взгляд. Он был одним из самых привлекательных молодых людей, каких мне когда-либо случалось видеть. Наконец он повернулся и снова взглянул на меня:

– Что ж, я… э-э-э… издалека. Не могу точно объяснить, каким образом попал сюда, и действительно не знаю, как мне вернуться домой. Это было странно. Я был один в дальнем углу музея. Было темно, и людей уже не было, и… ладно, буду честным. На спор я пробрался в одну из дальних комнат в подвале и там нашел дверь, которая была словно посреди ровного места. Она оказалась запертой, но замок был старый и ржавый, и тогда я попытался его открыть. Внутри я обнаружил старую египетскую статую, покрытую пылью. Я думаю, к ней долгие годы никто не притрагивался. Это статуя человека с головой льва. Я рассмотрел ее и думаю, это была…

– Сехмет, – произнесла я шепотом, похолодев.

Совпадений не бывает.

– Верно, Сехмет, – подтвердил Дилан и, казалось, немного расслабился. – Я заметил какую-то эмблему, похожую на кнопку и врезанную в камень. Статуя была настолько высокой, что, нагнувшись, я смог просунуть голову между ее колен. Эмблема засветилась. Тогда я коснулся ее и вдруг почувствовал странную вибрацию и услышал жужжание. Звук раздавался словно прямо у меня в голове, в ушах, по всему телу – это просто сводило с ума. Я заметил, что эмблема вроде как сдвинулась и углубилась еще больше. Вибрация стала сильнее. А затем возникло ощущение, что я падаю, падаю и падаю… И тут я осознал, что лежу на полу, – рассказывал Дилан, и на его лице отражалась грусть, смешанная с изумлением. – Не знаю, как долго я был в отключке, но когда я открыл глаза, то оказался в той же комнате, только окружающие меня предметы стали другими. Статуя Сехмет исчезла. Это было так, будто…

Я поняла, что слушаю своего нового знакомого с открытым ртом, и быстро его захлопнула. Он говорил правду, я видела это по его глазам. По крайней мере, правду, как он ее понимал. Неужели Дилан каким-то образом попал сюда, прикоснувшись к эмблеме на статуе Сехмет?

Моя голова шла кругом от рождающихся вопросов и теорий. Однако мне все же удалось ухватить одну тему из всей этой бури мыслей.

– Эмблема? Как она выглядела? Вы говорите, она светилась?

– По размеру она была вот такой, – сказал Дилан, рисуя круг на своей ладони. – Ярко-синего цвета. Наверно, он называется лазурным?

– Лазоревый?

Дилан кивнул и добавил:

– А еще на ней было изображение жука.

Мне показалось, что мне на колени свалилась корзина, полная шестеренок от часов, а я понятия не имею, как они все соединяются между собой.

– Он немного напоминал скарабея, который был у девушки.

– Рядом с жертвой был скарабей? – резко спросила я, не понимая, как могла это упустить. – Там не было скарабея.

– Был. Лежал на полу, рядом с ней, – возразил Дилан. Он пошевелился, и я подняла пистолет. Чужак замер.

– Я его забрал.

– О! Могу я на него взглянуть?

– Как насчет сделки? Я отдаю вам жука, а вы возвращаете мне телефон, – предложил мужчина, одарив меня очаровательной улыбкой.

– Вы не в том положении, чтобы торговаться.

Я протянула руку, чтобы получить предмет, который наверняка был механическим скарабеем, украшенным орнаментом в виде полуразвернутого свитка Сехмет.

После долгого колебания он вздохнул и подчинился, запустив руку в карман своих хлопчатобумажных брюк.

Вещь, которую он достал, по размеру и внешнему виду была похожа на скарабея мисс Адлер. Когда я взглянула на него в тусклом свете, не имея больше возможности одновременно держать фонарик и пистолет, мне в голову пришла мысль. Я снова бросила взгляд на мистера Экхерта:

– Вы помните, сколько прошло времени между тем, как вы очнулись в комнате с отсутствующей статуей Сехмет, и тем, как нашли тело мисс Ходжворт?

– Приблизительно три часа, может, четыре. Я был сбит с толку и не мог сообразить, что произошло: комната изменилась или меня переместили. – Его голос стал хриплым от волнения.

Три часа, может, четыре.

Мисс Ходжворт была мертва примерно столько же времени.

Еще одно совпадение?

Как сказал бы инспектор Лакворт, черта с два!

* * *

Когда я вернулась в свою комнату, восходящее солнце только начало окрашивать крыши домов алыми лучами. Я сняла брюки, блузку и пальто, благодаря небо за то, что сегодня мне не нужно бороться с корсетом. У меня было устройство, изобретенное мистером Милфордом, которое расшнуровывало этот предмет гардероба, но его тонкие металлические пальцы издавали очень неприятный звук, когда брались за дело. Автомат не только очень долго расшнуровывал корсет, но и делал это так громко, что мог разбудить миссис Рэскилл.

В доме было темно и тихо. Не было слышно ни звука, только далекое посапывание вышеупомянутой леди. Я остановилась у спальни отца, но не услышала его храпа. Ботинок на месте не было, и трость тоже отсуствовала, из чего я сделала вывод, что он снова предпочел заночевать в своем клубе.

Рядом с его комнатой находилась спальня моей матери. Я по привычке открыла дверь, чтобы заглянуть внутрь. Все было на своих местах, как и в тот день, когда она уехала. Но теперь, спустя год, я больше не чувствовала легкого аромата лилий, который всегда наполнял ее комнату. Я снова плотно закрыла дверь.

Поняв, что мистеру Экхерту негде ночевать, я пригласила его остановиться у нас. Как оказалось, пустующая спальня моего отца стала нежданным благословением, и мистер Экхерт тут же рухнул на заправленную кровать.

Кто-то может задаться вопросом, почему я совершила выходящий за грани приличий поступок и пригласила одинокого молодого человека (человека, который вошел в мою жизнь таким необычным способом) остаться у себя дома. Однако было очевидно, что ему некуда пойти и у него нет средств к существованию. Я чувствовала, что он не причинит мне вреда и что ему нужна помощь. Кроме того, он определенно имел какое-то отношение к Сехмет и ее скарабеям. Лучше было держать Дилана Экхерта в поле зрения. Несмотря на физическую усталость, благодаря событиям этой ночи я чувствовала себя бодрой и воодушевленной. Я была уверена, что не просплю долго, но, оказавшись в постели, все же заставила себя закрыть глаза и расслабиться. Мне понадобятся ясный ум и отдохнувшее тело, когда наше тайное общество соберется снова.

Однако стоило только мне попасть в убаюкивающие объятия Морфея, как в мою память проникла пара хитрых серо-зеленых глаз и все испортила.

Я искренне надеялась, что в ближайшем будущем не встречу инспектора Грейлинга.

Когда я проснулась утром, я обнаружила, что мистер Экхерт исчез.

Мало того что он не оставил записки, так еще и пробрался в мою комнату, пока я спала, украв гладкое серебряное устройство, которое, по его утверждению, было телефоном.

Мисс Стокер

Мисс Стокер удивляется дважды

Ни мисс Адлер, ни мисс Холмс не упомянули, когда мы должны встретиться снова и случится ли это вообще. Поэтому после событий в музее я не спешила возвращаться в Грентворт-хаус, чтобы лечь отдыхать. Вероятно, у них были увлекательные планы на следующий день: посетить дом Ходжвортов, познакомиться друг с другом поближе или разыскивать жуков. Мисс Холмс могла искать зацепки, расспрашивая каждую молодую девушку в Лондоне, если ей было угодно. У меня же были дела поважнее – спасать ничего не подозревающих смертных от клыков демонических вампиров.

Но и помимо этого я, по крайней мере, могла помешать какому-нибудь ограблению или другому преступлению одного простого смертного против другого. Мне нужно было найти чем себя занять. После того как Пикс растворился во тьме, оставив меня стирать с руки след своих мягких надменных губ, я не торопилась идти домой. К сожалению, ничего опасного и захватывающего со мной больше не произошло. К пяти часам я сдалась и вернулась домой, где жила с Брэмом и его семьей.

Чтобы попасть в дом, у меня не было никакой необходимости взбираться на дуб, растущий напротив моего балкона, и все же я легко это проделала – просто потому, что могла. Казалось совершенно правильным, чтобы охотник на вампиров возвращался в дом и покидал его именно таким образом, а не через входную дверь. Мой брат знал, как я провожу ночи, но его жена Флоренс об этом даже не догадывалась. Несмотря на то что она была для меня как мать, мы с Брэмом решили оставить ее в неведении относительно моего призвания.

Я жила в Лондоне с десяти лет. Будучи поздним ребенком пожилых родителей, я все время находилась на воспитании у множества молодых родственников, и последнее время этими родственниками были Брэм и Флоренс. Мой брат, на двадцать пять лет старше меня, стал для меня отцом более, чем собственно мой отец. Флоренс же я полюбила как родную мать. Она была милой и практичной, хотя ее стремление выдать меня замуж было намного сильнее моего желания найти мужа. Наша семейная жизнь была простой и ничем не примечательной до событий, произошедших чуть больше года назад. Мне часто снились кошмары, в которых меня преследовал вампир. Тогда я и узнала не только о нашем семейном наследии, но и о том, что мне уготована судьба охотницы на вампиров. Когда я рассказала Брэму о своих снах, он сначала удивился, а потом даже

казался немного обиженным. Но, как бы то ни было, мой брат, очевидно, знал, что делать, и организовал мое знакомство с Сири.

Женщина, ставшая моим наставником, обучала и других охотников за вампирами. Сири научила меня, что нежить, как правило, собирается в густонаселенных районах, где исчезновение их жертв может быть замечено с гораздо меньшей вероятностью. Она также устроила наш переезд в просторный Грентворт-хаус, который принадлежал семье Стокер еще задолго до прабабушки Виктории. У меня появилась возможность практиковаться, а дом стал своего рода наследством, которое я получила, узнав, что стану следующим охотником на вампиров. Переезд в особняк совпал с моим дебютом в свете и обеспечил доступ в высшие слои лондонского общества. Флоренс была несказанно счастлива таким поворотом событий, и мы провели много времени в магазинах, выбирая платья для балов, званых обедов, походов в театр и даже для летних пикников в Гайд-парке.

Мои настоящие родители жили в Ирландии, не подозревая о тайном наследии, связанном с охотой на вампиров избранными членами нашей семьи. Я точно не знала, откуда обо всем этом проведал Брэм, а сам он так и не удосужился мне рассказать. И хотя мне было приятно, что рядом есть кто-то, с кем можно поговорить о своем предназначении, я чувствовала себя очень неловко: брат считал, что это он должен был стать избранным.

Но Брэм не мог встать на путь борьбы со злом и подвергать себя опасности. У него были жена и ребенок, и кто позаботится о них, если с ним что-нибудь случится?

Мне же было не о ком беспокоиться, кроме как о себе.

Брэм любил меня как сестру, даже как дочь, но он был так очарован нашим семейным наследием и сверхъестественными навыками, приходящими с ним, что ему, похоже, было интереснее поощрять меня, чем защищать. Иногда я задавалась вопросом, не был ли он чересчур уверен в моих способностях и в моей непогрешимости. А так как Сири исчезла вскоре после моей встречи с вампиром, больше обо мне некому было волноваться. Бывали тяжелые моменты, когда я не могла не думать, что она просто меня бросила. Вдруг закралась ошибка? И я на самом деле не была охотником на вампиров, а Сири просто стала обучать кого-то более достойного?

Настроение у меня испортилось, и я постаралась отогнать от себя неприятные мысли. Я была настоящей охотницей.

Я докажу, что достойна. И найду для этого способ.

* * *

Я хорошо спала и проснулась далеко за полдень. Стоял необычно ясный для мрачного Лондона день, и солнечные лучи залили мою спальню ярким светом. Брэм, должно быть, был в Лицеуме[19 - Лицеум – театр в районе Вест-Энд в западной части Лондона, на Веллингтон-стрит, неподалеку от Стрэнда.], где работал управляющим, а Флоренс наверняка ходила по магазинам или наносила светские визиты. Мне повезло, что невестка не разбудила меня и не позвала с собой. Мой племянник Ноэль был в школе, а служанка Пеппер, скорее всего, вместе с кухаркой миссис Булленшем отправилась выполнять полученные поручения.

Я надеялась, что день будет спокойный и у меня найдется время заточить пару лишних кольев, а может, и попрактиковаться в боевом искусстве в музыкальной комнате. Я не особенно любила разные механические приспособления, но, несмотря на это, мне не терпелось испробовать новое устройство, которое нашел для меня Брэм. Изначально оно было разработано для мужчин, увлекающихся боксом, которые хотели тренироваться дома. «Механизированный наставник» мистера Джексона представлял собой автомат ростом с человека, снабженный двумя «руками» и самодвижущимися колесами, а также способный приседать и уворачиваться. При небольшой доработке с ним можно было практиковаться в вальсе, чем и оправдывал Брэм перед своей супругой покупку этой хитроумной штуковины. Флоренс была в восторге, вероятно, потому, что уже видела меня безупречно танцующей в паре с каким-нибудь подходящим герцогом или виконтом. Когда я спустилась вниз, наша экономка миссис Гернум вручила мне сложенную записку на толстой белой бумаге. Я предположила, что это очередное приглашение на бал или пикник, куда мне совершенно не хотелось идти, и уже собралась было спрятать ее, чтобы Флоренс не увидела, как вдруг заметила печать Британского музея.

В связи с нашей недавней встречей нам с Вами совершенно необходимо присутствовать на торжестве в доме лорда и леди Косгроув-Питт этим вечером.

Полагаю, в Вашем распоряжении имеется экипаж. Я буду готова к восьми вечера и стану ожидать Вас. Тогда же сообщу Вам необходимые подробности. Прошу ответить как можно скорее.

М. Холмс.

Мне самой было не совсем понятно, что именно вызвало мое раздражение: сам тон письма или то, что я должна была стать предметом подобострастного внимания болезненных и скучных молодых людей, которые понятия не имеют, с какой легкостью я могу их превзойти. В итоге я просто закатила глаза. И какая же причина может вынудить меня присутствовать на приеме в доме лорда Косгроув-Питта, лидера парламента?

…Тогда же сообщу Вам необходимые подробности.

Мне кажется или эта фраза действительно преисполнена самодовольства? Мина Холмс казалась невыносимой всезнайкой, которая указывала людям, что делать, и «проходилась» по всем, кто с ней не согласен, словно устройство по переработке отходов, которое двигалось по канализационным каналам и все перемалывало в грязь.

Что ж, мисс Холмс. Взяв листок и изучив его, я обратила внимание, что почерк мужской. Я усмехнулась. Можно было ожидать, что Мина Холмс пишет четкими и аккуратными буквами, а не такими каракулями.

Но тут я почувствовала укол вины, и мое раздражение исчезло, словно струйка пара. Разве я не обещала свою помощь принцессе Александре всего несколько часов назад? А теперь вот сижу, ворча из-за очередной поставленной передо мной задачей просто потому, что она мне не по душе.

Может быть, я не подхожу для таких заданий. Возможно, я не совсем вписываюсь в общество мисс Адлер. В конце концов, я даже на мертвое тело не могу посмотреть, не превратившись при этом в желеобразную, парализованную массу.

Я выпрямилась и взглянула на письмо, будто это была сама мисс Холмс. Нет. Я подхожу для этого не меньше, чем она. А возможно, даже больше.

Я не позволю этому неуклюжему мозгоклюю передо мной выделываться.

Быстро написав ответ мисс Холмс, я не могла не улыбнуться. Я, может, и предпочла бы заняться чем-нибудь другим, вместо того чтобы ждать, пока Пеппер сделает мне прическу, а потом вести пустые разговоры в комнате, полной людей, которых я не знала и не хотела знать, но Мине Холмс эта перспектива явно нравилась еще меньше, чем мне. Из нашего вчерашнего разговора стало ясно, что она не знает никого из высшего общества и ее совершенно не прельщает перспектива контактировать с его представителями. Моя улыбка превратилась в ухмылку. Во всяком случае, у меня была подходящая для этого вечера одежда.

* * *

Когда в восемь часов вечера мисс Холмс забралась в мой экипаж, мое нелестное представление о содержимом ее шкафа резко изменилось. Ее платье было одним из самых великолепных примеров современной моды. Раньше я такой одежды никогда не видела.

Приталенный лиф и широкая юбка из бархата и шелка представляли собой чередование глубокого шоколадного и золотисто-ржавого цветов. Рукава, пышные у плеч, суживались, переходя в длинные перчатки без пальцев, которые оканчивались мыском у ее среднего пальца. От локтя до запястья их украшали коричневые и рыжеватые кружева, пуговицы и изображения цветов, а внутреннюю часть покрывали крохотные шестеренки. Короткий коричневый кожаный корсет был надет поверх лифа платья в соответствии с новым стилем, который только-только входил в моду. Интересно, был ли у нее еще один под одеждой? С одной стороны корсета свисали четыре цепочки и подходящие к ним часы, а другую украшали два небольших кармашка. Спереди к лифу платья была приколота чудесная брошь в виде стрекозы с двигающимися крылышками, которые издавали приятное жужжание, а само тело насекомого состояло из вращающихся шестеренок.

Мисс Холмс была не просто одета по последнему слову уличной моды. Эта неуклюжая девушка сделала что-то со своими волосами, из-за чего стала

казаться еще выше, но это только придало ей грациозности. И даже ее клювоподобный нос, казалось, уравновешивала копна каштановых волос, украшенных лентами и декоративными часовыми механизмами, превращающими все это в аккуратную, но замысловатую прическу. Не могу сказать, что мое собственное платье было плохим. Отвечая последним веяниям викторианской моды, оно состояло из узкой юбки, сшитой из легкого тонкого материала чуть светлее, чем у мисс Холмс. На нем было большое количество слоев холодного розового оттенка, подхваченных темными розетками и собранных в аккуратный турнюр в нижней части спины. Однако самой важной деталью моего платья являлось то, что под всеми этими пышными слоями розовой ткани мои юбки имели незаметные разрезы. На это меня вдохновила Пеппер. К тому же это было удобно для человека моего призвания.

– Что-то не так, мисс Стокер? – спросила мисс Холмс, притрагиваясь к своей голове, будто стараясь убедиться, что ее прическа не развалится.

Мы сидели в экипаже, и Мидди, мой водитель, ждал указаний.

– Нет, – ответила я, заметив связку ключей, свисающую с края ее корсета.

Я была уверена, что они предназначались лишь для украшения, а не для практического применения, но даже такому приверженцу традиций, как я, ключи показались весьма искусными. Я моргнула и высунула голову в маленькое окошко, чтобы назвать Мидди адрес, а затем села обратно на свое место.

– Вы уверены? – переспросила мисс Холмс и посмотрела вниз, приглаживая пышные юбки.

Даже при таком скудном освещении я увидела жесткий кружевной кринолин черного цвета, выглядывающий из-под шелестящего материала, а также намек на элегантные туфли с медными носками.

– Вы думаете, мое платье… Я не была уверена, что надеть, – призналась мисс Холмс.

Она подняла нос и умудрилась посмотреть на меня сверху вниз, несмотря на то что мы обе сидели.

Мисс Мина Холмс нервничала. Это было поучительным открытием и уменьшило чувство… чего бы то ни было, что заставляло меня испытывать дискомфорт в ее обществе.

– Вы зря переживаете, – честно ответила я. – Ваше платье просто потрясающее. Уверена, молодые люди будут от вас без ума.

– Возможно, но это не имеет значения. Сегодня вечером у нас есть другие дела.

Несмотря на резкие слова, ее пальцы, играющие с пуговицами на рукаве платья, расслабленно легли на колени.

– Да, безусловно. А пока что вы могли бы ввести меня в курс дела относительно того, что вы и мисс Адлер сегодня обнаружили, – предложила я нейтральным тоном.

Однако мне пришлось добавить:

– Приношу свои извинения за то, что не присоединилась к вам в музее. Я допоздна была занята охотой на вампиров и поэтому долго спала этим утром.

Я не стала упоминать о том, что ни одна из дам не связалась со мной относительно времени или места встречи, так что, должно быть, мисс Холмс с утра первым делом нанесла визит мисс Адлер.

– О, – удивленно произнесла она, – наверное, тяжело не ложиться до поздней ночи, а затем просыпаться вскоре после рассвета. Я не думала, что нежить все еще представляет угрозу.

Я стиснула зубы. Нет, угрозы больше не было, но ей не стоило мне об этом напоминать. Как и о том, что я потерпела неудачу в тот единственный раз, когда столкнулась с вампиром.

– Причина, по которой нежить больше не представляет угрозы, – такие люди, как я, которые гарантируют, что этого не произойдет.

– Верно.

Я решила сменить тему:

– У меня возникли некоторые трудности с тем, чтобы выйти сегодня вечером из дома без сопровождения. Вам было не сложно получить разрешение поехать на бал?

– Разрешение? – переспросила мисс Холмс и усмехнулась. – Мой отец редко переступает порог нашего дома, и даже если он вдруг решит переночевать в своей кровати, то вряд ли заметит, дома я или нет. Безусловно, это потому, что он очень занят, помогая правительству в министерстве внутренних дел. И он много времени проводит в офисе или в своем клубе.

– А ваша мать тоже не возражала? – поинтересовалась я.

Мне, например, пришлось солгать Флоренс, что я собираюсь сходить на мюзикл у Тайлингтонов. Если бы она узнала, что я собралась на бал у Косгроув-Питтов, который был настоящим событием сезона, ничто не удержало бы ее дома. Поэтому, когда две недели назад пришло приглашение, я сразу же его спрятала.

– Моя мать нас покинула.

Интонация мисс Холмс заставила меня отвлечься от мыслей о дорогой моему сердцу, но очень практичной Флоренс.

– Покинула? Вы имеете в виду – умерла? Или…

Я замолчала.

– Она бросила нас с отцом год назад, – пояснила мисс Холмс, изо всех сил стараясь говорить безразлично. – Видимо, ей все равно, что я делаю и куда иду. И даже в большей степени, чем моему отцу.

Она подвинулась, шелестя юбками, и села преувеличенно прямо.

– Именно поэтому мисс Адлер выбрала меня частью этого общества, зная, что мне не будут препятствовать родители.

Я не могла себе представить, каково это – не иметь рядом старших, которые вмешиваются в повседневную жизнь. От одной только мысли об этом мне стало неуютно. Я не почувствовала ни капли зависти.

Мисс Холмс сменила тему, и ее голос стал резким:

– Мисс Адлер и я посчитали, что нам с вами важно присутствовать сегодня вечером в доме Косгроув-Питтов. Это связано с тем, что мы выяснили в доме Ходжвортов. Жертвой оказалась мисс Мэйлин. Мать и сестра были достаточно любезны и позволили нам обыскать ее спальню.

– Вы нашли еще одного жука?

– Помимо скарабея, который остался на полу рядом с ее телом, мы нашли вот это, – мисс Холмс вытащила из потайного кармана записку на листе бумаги кремового цвета. – Взгляните.

Приглашение на сегодняшний бал в Косгроувтеррас было мне знакомо: в моем ридикюле лежало точно такое же. Они казались совершенно одинаковыми, за исключением небольшой отметки в нижнем углу, заметной только в том случае, если тщательно рассматривать приглашение.

– Жук, – сказала я.

– Посмотрите внимательней, – нетерпеливо произнесла мисс Холмс. – Ничего важного не замечаете?

– Возможно, если бы здесь было чуть светлее… – заметила я, а затем сжала челюсти, когда мисс Холмс внезапно достала небольшое устройство, вспыхнувшее ярким светом.

Треклятые механизмы. Хотя я внимательно изучила приглашение, где был написан формальный текст и указаны время и место проведения бала, ничего особенного мне заметить не удалось.

Лорд Бельмонт и леди Изабелла Косгроув-Питт

имеют честь пригласить Вас на королевский «Бал Роз»,

который состоится в среду, 15 мая 1889. года

в восемь часов вечера

под звезда.ми. Косгроув-террас

в Сент-Джеймс-парке.

Я прочитала слова трижды, перевернула приглашение обратной стороной и не нашла ничего примечательного, кроме маленького изображения жука. Наконец, признав свое поражение, я посмотрела на свою спутницу.

– Это как раз и есть основная проблема большинства людей, – пробормотала та. – Дядя Шерлок прав. Люди смотрят, но не наблюдают. Они исследуют, но не видят. Вот, смотрите, – продолжила она, указывая на приглашение. – Под цифрой девять вы разве не замечаете крошечную точку? А также под словом «звездами»?

Я нахмурилась и опустила взгляд. Мисс Холмс была права. Теперь, когда она мне показала, я заметила эти крошечные точки.

– Но это ничего не значит, – запротестовала я. – Это просто капли чернил от небрежного написания.

– Мисс Стокер, пожалуйста, приглядитесь. Эти точки были сделаны намеренно. Вы видите, какой они идеально круглой формы? Если бы это была капля, она была бы продолговатой. И, кроме того, обратите внимание, что текст выгравирован на приглашении, а точки – нет. К тому же оттенок чернил, используемых для рисунка жука, точно такой же, каким нарисованы и точки. Но вы, вероятно, при плохом освещении и этого не заметили. Цвет чернил – индиго. Я готова поспорить, что они были куплены в специализированном магазине мистера Инквелла на Бэдгли-стрит.

– Так какова же цель этих обозначений? Это какое-то сообщение?

– Это было бы логичным предположением, – решительно согласилась мисс Холмс. – Но я пока не уверена, что они значат. Чтобы понять смысл, этим вечером мы должны проявить бдительность. Я подозреваю, что цифра девять может относиться ко времени, поэтому в девять часов я буду особенно внимательна ко всему, что может быть связано со звездами.

– Есть еще что-то? – осведомилась я, когда она щелкнула фонариком и убрала его на место.

Пока мы ехали в экипаже, я видела ее лицо только при коротких отблесках света уличных фонарей.

– Мы не нашли конверта или печати, поэтому у нас нет возможности узнать, кто сделал эти отметки и когда. Были они сделаны до того, как приглашение покинуло резиденцию Косгроув-Питтов, или позже? Нанесла ли мисс Ходжворт их сама по какой-либо причине или ей его вручил кто-то другой, кто получил конверт ранее. А может, ей отдал приглашение тот, кто участвовал в отправке?

– Так каков будет наш план на сегодня? Искать жуков? – уточнила я, стараясь не выглядеть заскучавшей.

Мне придется притворно улыбаться молодым людям и сплетницам, чтобы мисс Холмс могла спокойно искать скарабеев? Я буду следить за тем, чтобы никто не наступил мне на ноги и не пролил лимонад на платье? И это, похоже, будет самая опасная и захватывающая часть ночи.

– Конечно. Мы должны искать жуков, или скарабеев. А еще, когда это будет возможно, стараться выводить беседу на тему Сехмет. Даже поверхностно, – добавила мисс Холмс, когда экипаж поравнялся с подъездной аллеей Косгроув-террас. – Если кто-то проявит интерес к Сехмет, это может оказаться зацепкой. Кроме того, я хотела бы получить доступ в кабинет леди Косгроув-Питт, чтобы узнать, можно ли найти список приглашенных.

– Вы имеете в виду – вломиться в ее кабинет?

У мисс Холмс снова получилось посмотреть на меня сверху вниз из сидячего положения.

– Я предпочитаю думать, что просто случайно наткнусь на эту комнату. Независимо от того, каким образом мы это сделаем, как только выясним, значилась ли мисс Ходжворт в первоначальном списке приглашенных, круг лиц, попадающих под подозрение в том, что они сделали отметки, значительно сузится.

– Каким образом?

Мисс Холмс вздохнула:

– Если мисс Ходжворт не входит в первоначальный список гостей, то мы сможем допустить, что кто-то другой пометил приглашение и отправил его ей. Предположительно, тот, кому оно принадлежало. Сузив список тех, кому предназначалось приглашение или кто нарисовал эти знаки, мы сможем идентифицировать посланника и, надеюсь, понять связь между мисс Ходжворт и мисс Мартиндэйл.

Я была изумлена ее запутанным объяснением. Тем не менее оно имело смысл.

– Но ее мать или сестра знали бы, получи Мэйлин приглашение на самый обсуждаемый бал этого года.

Экипаж двинулся вперед, затем остановился. Я выглянула в окно и увидела длинную очередь людей, высаживающихся из всевозможных транспортных средств.

– «Бал Роз» – это событие сезона, и приглашены только сливки общества.

– Конечно, это так, – ответила моя спутница с намеком на досаду в голосе. – Это был мой первый вопрос Ходжвортам. Ни миссис Ходжворт, ни ее дочь не знали о приглашении лорда и леди Косгроув-Питт.

Я кивнула и отдала обратно приглашение, которое, возможно, ей понадобится, чтобы попасть на бал. Конечно, у меня было свое.

– Что ж, отлично, – ответила я.

Прокрасться в кабинет леди Косгроув-Питт означало получить хоть какую-то интригу на этом скучном вечере.

– Я думаю, что будет разумно, если ваше приглашение будет также помечено точками. Нужно быть готовыми к любой случайности, – заметила мисс Холмс.

– Конечно, нужно, – ответила я, едва сдерживая сарказм, – но мне жаль сообщить вам, что у меня нет в распоряжении особенных чернил цвета индиго от мистера Инквелла…

Я замолчала, когда увидела выражение ее лица.

– Вы правы. Конечно, у вас их нет.

Она достала писчий инструмент, который, предположительно, уже был заправлен специальными чернилами. Я без единого слова передала ей свое приглашение, и, к моему облегчению, мисс Холмс не отпустила больше никаких комментариев и не выказала каких-либо признаков самодовольства.

Экипаж снова двинулся вперед, а затем остановился. Мисс Холмс использовала маленькие веерообразные крылья броши-стрекозы, чтобы высушить чернила, и после этого вернула мое приглашение. Мы сидели и молчали, пока наша дверь не открылась и кучер в белых перчатках не помог каждой из нас спуститься. Солнце уже село, и единственным естественным освещением были лишь проблески луны сквозь тонкие серые облака, а также косая линия звезд, искрящихся в темном небе.

Перед нами возвышался особняк, один из немногих в городе, что мог похвастаться своими обширными закрытыми садами. Лестница вела к хорошо освещенному входу на боковой стороне здания, а не к двери, обращенной к подъездной аллее. Чтобы дамы в своих громоздких юбках и туфлях на высоких каблуках не утомились, поднимаясь по лестнице, был спущен отполированный механический пандус. У некоторых женщин были настолько узкие юбки с высокими турнюрами, что их владелицы могли передвигаться только неестественно маленькими шажками. Хорошо, что у Мины были средства, чтобы надеть платье с пышными юбками, которые, несмотря на его вес и количество

слоев, позволяли ей свободно двигаться.

Я несколько старомодна, поэтому отказалась от пандуса и предпочла лестницу, а когда поднялась, обнаружила, что мне нужно ждать, пока мисс Холмс доедет наверх на этой механизированной тележке. Ряд панелей и дверей убрали, оставив одну стену фойе открытой для проникновения ночного воздуха. Никаких границ между террасой и внутренней частью помещения не было. Приглушенный звук разговоров и смеха смешивался с музыкой, исполняемой небольшим оркестром, и проникал на улицу. Даже с того места, где я стояла, можно было увидеть сверкающие золотые вымпелы и праздничные декорации, а также сотни кроваво-красных роз в вазах, на шпалерах и в горшках, прикрепленных к деревьям. Кто-то срезал большое количество длинных безлистных ветвей, выкрасил их в темно-красный цвет и сделал из них деревья. Вокруг, словно светлячки, мелькали самоуправляющиеся крылатые фонарики медного цвета размером с ладонь.

– Красиво, – пробормотала мисс Холмс. – Напоминает позолоченный английский розарий.

Я не могла не согласиться. Интересно, насколько часто им приходилось заменять механизмы в этих глупых летающих огоньках?

– Они захотят объявить о нашем прибытии, – заметила я.

Мисс Холмс поморщилась, но подошла ко мне и вручила наши визитные карточки дворецкому.

– Она произносит свое имя как Эва-лайн, не Эва-лин, – сообщила мисс Холмс дворецкому, указывая на мою карточку.

Я закатила глаза. Мне было все равно, как меня назовут.

– Мисс Эвалайн Стокер и мисс Мина Холмс, – объявил дворецкий.

В этом месте собралось столько людей, что они едва могли передвигаться по комнате. Лорд и леди Косгроув-Питт стояли у входа и приветствовали каждого гостя. Мы тоже почтительно к ним подошли.

Лорд Косгроув-Питт оказался старше жены, и седины в его волосах было больше, чем у его симпатичной темноволосой супруги. Слегка полноватый, он все же выглядел статно. Лорд взял мою руку и поклонился, но его внимание привлекла моя спутница.

– Дочь сэра Майкрофта? – спросил он, перекрикивая шум. – Племянница мистера Холмса? Как такое возможно, чтобы мы никогда не встречались? Белла, ты, несомненно, приглашала мисс Холмс на наши вечера, ведь так? Весьма примечательная юная леди.

– Ну конечно! Мисс Холмс, – откликнулась его жена, беря руку моей спутницы своей, затянутой в перчатку. – Я так рада познакомиться с вами и прошу простить меня за то, что это не случилось раньше. Вы говорите, племянница мистера Холмса?

Нос моей спутницы покраснел, но она сделала реверанс и поблагодарила лорда Косгроув-Питта за его доброту, а затем ответила и его жене:

– Да, вы правы, леди Косгроув-Питт. Шерлок Холмс – мой дядя.

– Он очень умный человек, – признала та и посмотрела на своего мужа. – Несколько лет назад он помог мне решить небольшую проблему. Вы же помните, не так ли, мой дорогой?

– Это было связано с горничной, которая убирала верхний этаж и крала серебро? – спросил лорд и потер подбородок.

Леди Изабелла похлопала его по руке.

– Это была горничная по нижнему этажу, и мистер Холмс доказал, что она невиновна, так как оказалось, что в галерее просто разбилась одна из стеклянных витрин.

Она повернулась к нам:

– Надеюсь, вам понравится сегодняшний вечер. Пожалуйста, не забудьте прогуляться по художественной галерее, пока вы здесь.

Когда мы поблагодарили ее и повернулись к толпе людей, я почувствовала внезапное чувство тревоги, которое прошло по всему позвоночнику. Кто-то на меня смотрел.

Я оглянулась. Поскольку мы все еще стояли на террасе, которая была соединена с бальным залом, мы на несколько шагов возвышались над основным этажом. Мне было хорошо видно всех присутствующих там людей.

Огромное скопление растений в горшках, украшенных богатыми красными розами, смешалось с раскрашенными деревьями. Мое внимание привлекла троица слуг, которые стояли наготове с подносами и белыми салфетками, перекинутыми через руку. Даже глядя на гостей, они продолжали разговаривать друг с другом и смеяться. У каждого из них лацкан золотого пиджака был украшен розой.

Когда я посмотрела на этих троих, один из них привлек мое внимание. В нем было что-то знакомое.

Ощущение покалывания в позвоночнике превратилось в холодок.

Он сильно напомнил мне Пикса.

Мисс Холмс

О фонариках-светлячках, медных каблуках и выгодных вальсах

Я заметила, что мисс Стокер будто оцепенела. Повернувшись, я проследила за ее взглядом, однако даже при моих прекрасных навыках наблюдения не заметила ничего подозрительного.

– Невозможно, – пробормотала она, глядя в переполненный зал. – Черт возьми, такого просто не может быть.

Я много времени проводила в обществе своего дяди и его друга доктора Уотсона, поэтому была прекрасно знакома с бранной лексикой. Тем не менее

меня поразило, что мисс Стокер пользовалась ею так же умело, как и мужчины. Я уже собиралась попросить у нее объяснений, но тут внезапно услышала странный рев со стороны улицы и, повернувшись, увидела, как блестящий пароцикл промчался по ступенькам и проехал в дальний конец террасы. Склонившись над рулем, на нем сидел человек в защитных очках. Его костюм дополняли жесткий авиаторский шлем с наушниками и длинное пальто, которое трепал ветер. Он аккуратно поставил пароцикл достаточно далеко от гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Cr?me – крем, кремовый (фр.).

2

Бонд-стрит – с XVIII века улица элитных бутиков и магазинов в лондонском районе Мэйфэр.

3

«Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (англ. A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court) – роман Марка Твена, впервые опубликованный в 1889 году.

4

Вестминстер – исторический район Лондона, часть административного округа Вестминстер.

5

Сэр Антонио Дженезио Мария Паницци (итал. Antonio Genesio Maria Panizzi, 16 сентября 1797 – 8 апреля 1879), библиофил и член общества карбонариев, профессор итальянского языка и литературы в Лондонском университете. Руководил Библиотекой Британского музея с 1856 по 1866 год.

6

Дарджилинг – элитный сорт черного индийского чая.

7

Картуш – в архитектуре и декоративном искусстве – мотив в виде полуразвернутого, часто с надорванными либо надрезанными краями рулона бумаги, свитка, на котором может помещаться герб, эмблема или надпись.

8

Сехмет – богиня-покровительница Мемфиса, супруга Птаха; богиня войны и палящего солнца, «Грозное око бога Солнца Ра», целительница, обладавшая магической силой напускать болезни и излечивать от них, покровительница лекарей, считавшихся ее жрецами.

9

Розеттский камень – плита из гранодиорита, найденная в 1799 году в Египте, возле небольшого города Розетта (теперь Рашид), недалеко от Александрии, с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, в том числе двумя – на древнеегипетском языке, начертанными древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом, которое представляет собой сокращенную скоропись эпохи позднего Египта, и одним – на древнегреческом языке.

10

Рамсес II – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1279–1213 гг. до н. э.

11

Птах, или Пта, – одно из имен бога-творца в древнеегипетской религиозной традиции, муж Сехмет.

12

Хаггис – традиционное шотландское блюдо из бараньих потрохов, рубленных с луком, салом, овсяной мукой, специями и сваренных в бараньем желудке.

13

Хеймаркет – лондонская улица в Сент-Джеймсе в Вестминстере, которая в старину считалась кварталом красных фонарей.

14

Бертильонаж – система идентификации преступника по внешним антропометрическим данным.

15

Кокни – специфический диалект, на котором традиционно говорят представители лондонских низов, а также их пренебрежительно-насмешливое прозвище.

16

Джек Потрошитель – псевдоним, присвоенный серийному убийце, который действовал в Уайтчепеле и прилегающих районах Лондона во второй половине 1888 года.

17

Pick – обворовывать, обчищать карманы (англ.).

18

Pixy – фея, эльф (англ.).

19

Лицеум – театр в районе Вест-Энд в западной части Лондона, на Веллингтон-стрит, неподалеку от Стрэнда.

Купить: https://tellnovel.com/glison_kollin/stoker-i-holms-mehanicheskiy-skarabey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити